

Виктория Серебрянская

16+

Тариф на любовь

Виктория Серебрянская

Тариф на любовь

«Автор»

2020

Серебрянская В.

Тариф на любовь / В. Серебрянская — «Автор», 2020

Продолжение приключений Ани и Алекса. Еще совсем недавно моей единственной мечтой было найти хоть какую-нибудь работу. Просто, чтобы было за что жить. А теперь я весьма высокооплачиваемый сотрудник одной из самых известных в нашей стране корпораций. Еще совсем недавно я робко загадывала создать свою семью. А теперь без памяти влюблена. И, казалось бы, все у меня хорошо. Только влюбилась я не в того. Мой любимый – вампир. И у нас нет общего будущего. Для меня вообще нет будущего, приговор уже прозвучал. И, кажется, я уже вижу конец своего жизненного пути. Или это только начало чего-то абсолютно нового?

© Серебрянская В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктория Серебрянская

Тариф на любовь

Глава 1

А вот интересно, если сейчас что-то случится с самолетом, и он не сможет приземлиться, мы все умрем? Или кто-то все же выживет? Я бездумно смотрела на шустро бегущую под крылом самолета серую бетонную ленту взлетной полосы и отчаянно боролась с тошнотой и заложенностью ушей. «Сглатывайте почаще!» Дурацкий и не работающий в моем случае совет. Если бы знала, что этот полет будет для меня таким тяжелым, отказалась бы от командировки не раздумывая. В конце концов, зачем мне теперь деньги? С собой не заберу. А оставлять некому. Внутренний голос гаденько шепнул: «Ага, отказалась бы! Сейчас!»

Не отказалась бы. Однозначно. Я еще раз тяжело сглотнула вязкий ком в горле. Эта командировка в Милан была венцом моей короткой карьеры на посту личного помощника Борисыча. Ну, то есть, Ясенеvского Бориса Викторовича. Да, я лично мало в чем принимала участие. Основную работу сделали экономисты, логисты и юристы. Я была лишь подспорьем, буфером, связующим звеном. И нещадно гоняла секретариат, добиваясь во всем если не идеальности, то хотя бы слаженности. Но нужна мне была эта командировка по совсем другой причине. Мне нужно было чем-то занять голову. Занять свое время. Чтобы не осталось свободного. Чтобы некогда было думать о глупостях.

Мягкий толчок ознаменовал касание колес взлетной полосы. В салоне раздались аплодисменты. Люди приветствовали удачную и относительно мягкую посадку. В иллюминатор мне хорошо было видно, как на крыле вертикально поднялись алюминиевые полосы. Кажется, подкрылки. Или закрылки. Не важно. Главное, что самолет гасил скорость, уменьшая стремительность своего забега. Так все слаженно. Так четко. Как единый человеческий организм. Все функционирует точно и идеально. Как часы. И человек здоров и счастлив. Но только стоит чему-то дать сбой...

«Идиотка!» в сердцах гаркнул на меня мой лечащий врач, когда я спокойной рукой подписывала отказ от лечения. На моих губах памятником извечной глупости застыла горькая улыбка. Максим Васильевич, мой лечащий врач, еще молод, немного даже моложе меня. Он еще полон не растрченного оптимизма и веры в будущее и медицину. Еще не познал горечь утрат и разочарований. Наверное, ему еще не приходилось терять пациентов. Наверное, потому ему и кажется, что еще ничего непоправимого не случилось. Да, лечение длительное. Да, дорогостоящее. Но ведь некоторые выздоравливают! Зачем же вот так? Заранее себя хоронить? Ведь есть еще шанс! Ему, еще не битому жизнью, не попробовавшему горечь предательства, невдомек, что для меня это самый желанный исход. Просто потому, что цели в жизни уже нет. Я утратила всякие ориентиры в этом бушующем жизненном океане. И жить мне уже не для кого.

За иллюминатором окончательно замерла, прекратила свой бег бетонная полоса с ухоженной изумрудной травой на обочине. Стюардесса что-то радостно лепетала о погоде. Я не вслушивалась. Только тоскливо изучала в иллюминатор клубящееся знойное море над дорогой. Похоже, эта поездка будет куда сложнее, чем я думала. Если не станет, конечно, для меня последним, что я в этой жизни сделаю.

Соседи по салону закопошились, готовясь на выход. Сидевшая рядом со мной переводчица Танечка заерзала на месте и заволновалась:

– Ань, мы прилетели! Мы в Италии! Ты понимаешь? В *И-та-ли-и*! Мне все еще кажется, что это только сон! Пойдем быстрее, а то не успеем!

Я вяло отмахнулась:

– Куда не успеем? Выйти из самолета? Боишься, что улетишь обратно, так и не ступив на итальянскую землю?

Танечка открыла было рот возразить. Осознала сказанное. Закрыла. И густо покраснела. Молоденькая она еще совсем. Учится в университете на последнем курсе. Дочка кого-то из погибших чистильщиков. Поэтому Борисыч с ней и возится. Семьи погибших в корпорации принято поддерживать до тех пор, пока не встанут на ноги. Или до последнего.

Я пожалела смущенную девчонку:

– Тань, не суетись. Видишь, очередь из желающих побыстрее ступить на землю Италии? – В проходе и вправду растянулся живой людской ручеек, утекая на выход из салона. – Вперед тебя все равно никто не пропустит. Так что наберись терпения. Обратно с тобой на борту самолет не улетит.

Танюша притихла, села назад в кресло. Но усидеть спокойно смогла не больше минуты. Я вздохнула. В отличие от нее, мне на улицу не хотелось совсем. Согласно прогнозу, в Милане сейчас плюс тридцать шесть градусов. Вон, даже знойное марево пляшет над бетонными плитами взлетной полосы. После кондиционированного салона самолета я там сойду с ума. Жаль, что самолет не может приземлиться у самого отеля.

Через несколько минут человеческий ручеек начал редеть. Пришлось вставать из уютного кресла. Нечеловеческая усталость в компании со слабостью едва не опрокинули меня обратно. Но я, упрямо сжав зубы, удержалась на ногах.

Стоило только приблизиться к выходу из самолета, как нестерпимая жара кувалдой ударила в грудь. Я пошатнулась. Ноги моментально стали ватными. И я с ужасом представила, как буду сейчас спускаться по трапу. Мне даже дышать было тяжело. Раскаленный воздух обжигал ноздри. Только бы кровь носом не пошла! Я судорожно вцепилась в сумочку, приготовив заранее платочек. И проклиная собственную глупость, заставившую нарядиться в светло-зеленый, словно молодое яблоко, костюм. Если на него попадет кровь – пиши пропало. Сразу можно выбрасывать в утиль.

Внизу у трапа я натолкнулась на обеспокоенный взгляд Борисыча. Шеф молча и неодобрительно покачал головой. Но ничего не сказал. А спустя пару секунд меня под локоть подхватила уверенная рука Коли Ипатова. И я с облегчением оперлась на него.

Дорога до отеля не отложилась в моей памяти. Все впечатления перемешались между собой, слились и расплылись, словно потекшая от жары карамелька. До места назначения я добралась только благодаря своему упрямству и помощи Ипатова.

В холле отеля во всю мощь работали кондиционеры. Окунувшись в благословенную прохладу, я ощутила некоторое облегчение. Коля подвел меня к маленькому уютному диванчику:

– Ань, посиди пока тут. Пусть Татьяна отработает свой хлеб и поселит нас в этих хоромашках. А потом пойдешь отдохнешь. Зря ты, едва только с больничного, согласилась лететь в Милан. И без тебя бы справились.

Я вздохнула:

– Коля, есть такая очень хорошая, а главное, правдивая присказка: хочешь, чтобы дело было хорошо сделано, тогда сделай его сам.

Коля коротко хохотнул:

– Это да. Я сам такой. Но ты же явно не до конца выздоровела. Небось, врача заставила закрыть больничный раньше времени из-за поездки в Милан?

Я коротко кивнула. Ну не объяснять же Ипатову, что, если бы я не отказалась от лечения, то мой больничный закрыли бы только с моей смертью. Если бы, конечно, раньше не уволили. Балласт нигде не любят.

Коля хмыкнул:

– Эх ты! Лучше бы долечилась. Успела бы еще побывать в Италии. И в Париже тоже. Сам часто туда мотается. Ладно, посиди, пойду принесу тебе ключ от номера.

Коля отошел, не оглядываясь на меня. А у меня неожиданно защемило сердце. Нет, Коля, ты не прав. В Париже я уже точно не успею побывать. Слишком у меня мало времени осталось. Врач говорил, что без лечения я протяну максимум три месяца. Но, судя по моему самочувствию, даже этих трех месяцев у меня нет. По возвращении домой нужно будет признаваться шефу. Пусть ищет мне замену. Мои нерадостные мысли прервались с появлением возбужденного Ипатова:

– Анька, вот твой ключ! Ну и повезло же нам! У них тут не то какой-то сбой системы, не то какой-то криворукий администратор. Короче, забронированные нами номера оказались уже занятыми! Татьяна молодец! Она их так припечатала на их итальянском, что они побледили, извинились и предоставили каждому из нас одноместный номер-люкс по цене тех, которые мы бронировали! Пошли, провожу!

От удивления меня даже боль и усталость отпустили. Изначально планировалось, что мы с Татьяной разместимся в двухместном полулюксе. А Борисыч, Ипатов и маркетолог Миша Лисаковский займут трехместный номер. Каждому отдельный люкс – это неслыханная удача. Мне можно будет по-настоящему расслабиться и не шифроваться от Татьяны.

Мы с Колей пересекли огромный холл. Я только сейчас начала замечать окружающую меня роскошь. Прохлада сделала свое дело, мне стало немного легче, и тут же проснулось любопытство. Стоя у лифта, в ожидании возможности подняться наверх, я изучала обстановку и малочисленных людей.

На самом деле помещение не было таким уж громадным. Это очень ловко поделенное на зоны пространство создавало ощущение простора и полета. Умело подобранная мебель выглядела крошечной. А многочисленные зеркала добавляли пространства.

Прибывший лифт с хрустальным звоном распахнул створки. Я чуть посторонилась, пропуская пожилую импозантную пару и двух бизнесменов. Старушка с седыми кучеряшками под голубой шляпкой гордо опиралась на руку лысого толстячка. Я спрятала улыбку. Уж слишком явно бабулька копировала английскую королеву. Следом за стариками, почти наступая им на пятки, шел немецкий бизнесмен. Этих породистых арийских блондинов ни с кем не перепутаешь. Последним шел, ну, наверное, француз. Строгий серый костюм в тонкую полоску, жилет, голубой галстук и белоснежная сорочка. Прическа идеальна – волосок к волоску. Я с любопытством перевела взгляд на лицо мужчины. И мгновенно ощутила, как мое сердце проваливается куда-то вниз.

На меня равнодушно смотрели такие знакомые, такие любимые зеленые глаза. Алекс!

Ноги враз стали ватными. А мраморный роскошный пол агрессивно бросился мне в лицо. По ушам ударил встревоженный вскрик Ипатова: «Анька!» Но в глазах уже потемнело. И случилось то, чего я так боялась. Я провалилась в обморок.

Глава 2

Пришла в себя я под звучный аккомпанемент ругательств Ипатова. Видимо, в отключке я была совсем недолго – спустя всего пару секунд я поняла, что нахожусь на руках у бухгалтера. А цедящий ругательства сквозь зубы Ипатов несет меня, очевидно, в номер. Где-то совсем близко слышалась нервная скороговорка переводчицы:

– Ей еще в самолете было не очень хорошо, Борис Викторович! А тут еще и жара эта!

– Татьяна, не тарахти! – По голосу Борисыча можно было сразу понять, что шеф раздражен.

– Но, Борис Викторович, Ане нужно отлежаться! А я ее сегодня заменю! Все равно сейчас основная нагрузка на мне, как на переводчике. А кому позвонить и что сказать у Ани все расписано. Она очень обязательная, Аня! У нее целый план расписан!

Послышался мужской стон, как от зубной боли. И я проглотила улыбку. Танька кого хочешь доведет до белого каления!

– Очнулась? – Ипатов, заметив, что я пришла в себя, перестал материться. – Напугала ты меня, Анька, до мокрых портков. Хорошо хоть этот мужик, что проходил мимо, оказался шустрым, поймал тебя. А то я растерялся. Стою, идиот идиотом. Ты б наверняка голову бы разбила. А я даже не сообразил поблагодарить. Надо Татьяну заслать, чтоб узнала в каком он номере остановился, и исправиться.

У меня вырвался вздох. В груди стало чуточку теплее. Меня поймал Алекс. Значит, не смог равнодушно пройти мимо. Значить, хоть что-то в душе, но осталось.

Ипатов донес меня не только до дверей номера, но и занес внутрь. На все мои протесты сказал, как отрезал:

– Тут иностранца нету, ловить тебя некому. Так что я лучше донесу тебя до кровати. – На этом мне пришлось заткнуться.

А Коля и вправду донес меня до кровати. И очень бережно уложил на нее. Открыл было рот что-то сказать. Но его прервал властный голос Борисыча:

– Коля, спасибо, иди к себе. Татьяна, ты рвалась выполнить самостоятельно сегодня всю подготовительную работу? Она твоя. Посмотрим, как справишься.

Чуть повернув голову, я покосилась на порозовевшую Танечку, беззвучно открывающую и закрывающую рот.

– Ну? Чего встала? Работа сама себя не сделает!

Таня пулей вылетела из моего номера. А я чуть нахмурилась ей вслед. Что-то шеф сегодня чересчур груб. Наверное, сейчас и мне прилетит. Но я немного ошиблась в своих прогнозах.

Ясневский дождался, пока за переводчицей закрылась дверь, тяжело вздохнул, и грузно опустился на край кровати. И как-то сразу проступил, стал виден его возраст. Хотя нет, сейчас шеф выглядел лет на десять старше. Стали сильнее заметны обычно не бросающиеся в глаза морщины. Под его глазами я едва ли не впервые увидела глубокие тени. Почти синяки. Сдаст Борисыч. Или это просто перелет? А потом еще и я добавила нервов.

Посидев пару минут в абсолютной тишине, Борисыч приказал:

– Рассказывай.

Я пожала плечами и попыталась сесть. Неуютно как-то разговаривать с шефом из положения лежа. Но Борисыч прекратил мои трепыхания одним властным:

– Лежи! Рассказывать можно и так. А я подумаю, что мне с тобою делать.

Рассказывать, так рассказывать. Ощущая себя не в своей тарелке от пристального взгляда Ясневского, я начала говорить. О том, как банальная затяжная простуда переросла для меня в лейкоз. О том, что не считаю нужным даже пытаться лечиться. Все равно шансов на выздоров-

ление почти нет. И о том, что собиралась рассказать обо всем после командировки. И просить искать мне замену. Чтобы я успела ее всему обучить.

По шефу было видно, что он ожидал всего, чего угодно. Но только не такого.

– Даааа, Аня, ну и новости у тебя. Даже не знаю, что сказать. Я-то, старый дурак, думал, что ты беременна. Хотел папаше незадачливому по шее наkostenить, что отпустил тебя в командировку. А ты...

– А я умираю.

Слова сами собой слетели с языка и булыжниками гулко ухнули в пустоту. С некоторым изумлением я наблюдала, как дернулся от них Борисыч. И свирепо зыркнул на меня:

– Не говори ерунды. Шанс на излечение остается всегда. Если у тебя не хватит денег на лечение, корпорация поможет. Безвозмездно.

Я цинично усмехнулась:

– Идиотское и бесполезное вложение денежных средств. Нет у меня шансов, Борис Викторович. Четвертая стадия. Врач дал мне от силы три месяца. Это если буду беречься. Но какой смысл прятаться от жизни? Чтобы ее остатки прошли мимо?

Ясневский устало растер лицо руками, шумно вздохнул:

– Нда уж. Видимо, я действительно проклят. Или мне на роду написано терять всех, к кому я прикипаю душой. – Ясневский остро глянул на меня из-под ладоней: – Я ведь за эти полгода привязался к тебе. Ты мне вместо дочери стала.

Я зябко поежилась. А ведь и вправду, Борисыч уже очень давно не показывал мне свой поганый характер. Всем вокруг доставалось по самое нехочу. А на меня только беззлобно ворчали.

– Ань, – Борисыч выпрямился, – ты подумай. Еще ведь не поздно начать лечение. Ну а вдруг? Чудеса ведь случаются и в наше время. Я оплачу лечение полностью.

У меня на глаза навернулись горькие слезы. Вот оно как все сложилось. Алекс ошибся в своих прогнозах. Борисыч почти стал мне отцом. Жаль, что я так поздно это поняла.

Борисыч встал:

– Ну, я пойду. А ты отдыхай. И подумай над моими словами. Завтра должна быть, как огурчик. Итальянцев нужно порвать на шелковые шарфики. Или, может, завтра тоже останешься в номере?

Шеф с надеждой посмотрел на меня. Но я только головой покачала:

– Я до завтра приду в норму. И буду присутствовать на встрече. Не нужно прятать меня от жизни. От смерти все равно не спрячете.

Борисыч понимающе кивнул и вышел, тихонько притворив за собою дверь.

Слабость и боль постепенно отступили. И я наконец смогла расслабиться. Но сон никак не шел. В моей голове теснился миллион и еще одна мысль. Обо всем, и одновременно ни о чем. Надо бы встать, проконтролировать Татьяну. Но сил нет совсем. Не забыть поблагодарить Ипатова за заботу. А то как-то не очень удобно получилось. Я заполняла свою голову всяким мусором. Лишь бы не думать о нем.

Полгода назад, после ухода Алекса, я некоторое время балансировала на грани безумия. Возвращаться после работы в пустую квартиру было невероятной пыткой. Чаще всего я просто слонялась по квартире из угла в угол, пока усталость не брала верх над измученным разумом. И тогда я попросту отключалась где попало. Лечь в пустую постель я не могла себя заставить. Спала где попало. Но не в кровати.

То же самое было и с машиной. В первое же утро без Алекса я спустилась в подземный гараж с ключами в руке. Постояла, посмотрела на спортивного красавца. И, сунув ключи в сумочку, поплелась на остановку общественного транспорта. Большие за руль этой машины я не села ни разу. Просто не смогла себя заставить. А пару недель спустя попросту продала и квартиру, и машину, при активной помощи Ипатова.

Взамен приобрела крохотную однокомнатную квартиру в трех кварталах от офиса. Машина при таком раскладе мне не была нужна. На тридцати трех квадратных метрах на верхнем этаже старой пятиэтажки располагались диван, скрипучий шкаф с растрескавшейся полиролью, стол с ноутбуком и стул рядом. На кухне – древний буфет, и не менее допотопная газовая плита, которой я никогда не пользовалась, потому что зачастую даже кофе дома не пила. Ну а если все же решалась приготовить чашечку горячего напитка, то меня выручал электрический чайник, примостившийся на подоконнике. Сантехника тоже была древняя, вся в ржавых разводах. Но, как ни странно, работала исправно. Большие мне от нее ничего не было нужно. А убогость нового жилища совершенно не трогала душу. Все необходимое есть. Желать больше нечего. Все равно сюда я приходила только ночевать.

В попытке забыться и забыть Алекса, я проводила на работе по четырнадцать – шестнадцать часов. Порою, захватывая выходные. И саднящая боль в душе постепенно начала стихать. Наверное, со временем я бы привыкла к одиночеству. А может быть, и захотела бы что-то изменить в своей не радостной жизни. Но судьба внесла свои коррективы. Видимо, время, данное мне смертью взаймы, все вышло. И пришла пора платить по счетам.

И вот сейчас, лежа на огромной кровати в роскошном номере миланского отеля, я вдруг с отчетливой ясностью поняла, что умирать не страшно. Ну и что, что мое время закончилось раньше, чем у других? Главное, что Алекса напоследок увидела. Вот бы еще удалось бы поговорить, ощутить его непередаваемый аромат. Тогда совсем все станет хорошо.

Глава 3

Утром я проснулась, как ни странно, свежей и отдохнувшей. Боль не мучила. Усталость отступила. Даже настроение как-то выровнялось. И мне не пришлось уговаривать себя, как в последние дни, встать с кровати и заняться делами.

Аккуратно уложив волосы, я с тоской посмотрела на расческу. У меня и раньше волосы не отличались особой густотой, а сейчас и вовсе потеряла, наверное, треть. И если так продолжится и дальше... Так, не думать об этом. Изменить все равно ничего нельзя.

Выбирая, что сегодня надеть, я вынула практичный коричневый костюм. Пару минут посмотрела с тоской на тусклую ткань, и решительно отложила его в сторону. Не сегодня. Сегодня я должна выглядеть по максимуму. Я это чувствую.

Спустя полчаса я вышла из номера в дорожном шелковом костюме ядовито-оранжевого цвета. Купила я эту тряпочку практически перед самым отлетом. И досталась она мне, учитывая бренд, практически задаром. Именно потому, что очень неудачный оттенок ткани был. Наши бизнес-вумен от него просто шарахались. А для меня он оказался находкой. Потому что на фоне костюма цвета бешеного апельсина моя восковая бледность куда-то исчезла. И даже вроде румянец появился. Продавщицам даже льстить мне не пришлось. Я и сама видела, насколько лучше выгляжу в этой вещичке.

К костюму полагались туфли в тон – классическая лодочка на умопомрачительно тонкой шпильке. Я их тоже купила. Но обуть сегодня не рискнула. Побаивалась приступов внезапного головокружения.

Запирая номер, я услышала за спиной удивленный присвист:

– Анька, ты ли это?

Я не спеша заперла дверь. Спокойно положила ключ в сумочку. И только после этого обернулась. Позади меня стоял Ипатов и изумленно изучал мои тылы. Я усмехнулась:

– Коленька, глазки выше!

– Что? – Несколько дезориентированный Ипатов нехотя посмотрел мне в лицо.

– Я говорю, Коля, что неприлично так откровенно изучать чужую попу.

– Гмм... – Ипатов никак не мог взять себя в руки. – Ань, ты в этом костюме такая!..

У меня внутри растеклось блаженное тепло. Пусть Ипатов мне совершенно не интересен. Но какая же женщина не любит получать комплименты? Я точно люблю. И я все еще женщина. Живая женщина. Я усмехнулась:

– Какая, Коль?

– Ты как фея! Хрупкая такая. Изящная. Кажется, я одним пальцем переломаю тебя. Ты не ешь, что ли? Или из-за итальянцев себя загнала? А вообще, не важно. Вот подпишем сегодня контракт, и отдохнешь. Я сам к Борисычу пойду, чтобы шеф дал тебе отпуск. – Ипатов сглотнул и подошел ко мне ближе: – Ань, давай сегодня поужинаем вместе? Отметим подписание контракта. А?

Все мое хорошее настроение тут же растаяло, как мороженое на солнце. Нет, Кольку я понимаю. И не обижаюсь. Но, во-первых, я до сих пор толком не знаю, чем в компании он занимается. И от этого приходится держаться настороже. А во-вторых, не вижу смысла его обнадеживать. Времени у меня слишком мало. А если он успеет ко мне привязаться, то ему потом будет больно и плохо. Поэтому, держим дистанцию.

– Нет, Коль, спасибо. Сам видел, я еще не до конца выздоровела. Наверняка к вечеру буду как выжатый лимон. Не хочу тебе ничего обещать, чтобы потом не пришлось обманывать.

Ипатову мой отказ не понравился. Я это сразу заметила. Все его благодушие и восторженность сразу куда-то испарились. А глаза блеснули совсем по-волчьи. У меня даже мороз по спине пробежал. Но с моими доводами Ипатов согласился.

– Ну ладно. Наверное, ты права. Но на завтрак-то я могу тебя проводить?

Я заставила себя улыбнуться:

– Конечно. Мне будет очень приятно.

За общим столом нас уже ожидали Танечка, Борисыч и Лисаковский. Переводчица приветствовала меня, не дожидаясь, пока я устроюсь за столом с помощью Ипатова. И бурно восторгалась моим костюмом. Борисыч скупно кивнул в знак приветствия, и поинтересовался:

– Как себя чувствуешь? Может, не стоило сегодня вставать? Не думаю, что сегодня дойдет дело до подписания. Мы вполне бы обошлись одной Татьяной. А вот завтра ты нам точно понадобишься. Может, вернешься в номер?

Я улыбнулась трогательной, почти отцовской заботе старого матерого чистильщика и покачала головой:

– Все хорошо, Борис Викторович. Не беспокойтесь.

Ясневский продолжал подозрительно меня изучать. Не верит. Я улыбнулась шире:

– Если я пойму, что мне не хорошо, а вы без меня справляетесь, я вернусь в номер. Обещаю.

Шефа такое решение вопроса устроило. Он спокойно кивнул и уткнулся в свою тарелку.

Встреча с принимающей стороной должна была состояться в одиннадцать часов по местному времени. Здесь же, в отеле. Где на последнем этаже наши предполагаемые партнеры арендовали небольшой конференц-зал.

Итальянцы вышли на нас сами. Не слишком крупная фармацевтическая компания специализировалась на поставках лекарств и предметов по уходу за больными на ближний восток и в азиатские страны. На мой взгляд, странный выбор рынка сбыта. Но компания Диарелли и К существовала третий десяток лет. Очевидно, рынок сбыта был выгоден. Или просто нашли свою нишу.

Когда я готовила материалы для Борисыча, то сунула нос в предоставленную Ипатовым информацию. Если честно, то мало что поняла. Кроме одного. Диарелли и К очень долгое время пользовались услугами румынской экспедиционной компании, у которой мы регулярно брали заказы. Поначалу я недоумевала: почему посредники? Ведь гораздо выгоднее работать с клиентами напрямую. Пусть и придется нанять на работу лишний десяток людей. Но, поработав некоторое время, я поняла, что с румынами не все так просто. И они не только экспедиторы по грузам. Но и, в некотором роде, экспедиторы по иным. Оттуда часто поступали заказы на зачистку.

Диарелли отправляли грузы регулярно. Не реже одного раза в неделю. Но два месяца назад вдруг исчезли. А потом от итальянцев поступило деловое предложение. Ради которого мы, собственно, и прилетели в Милан.

На переговоры явился лично Джузеппе Диарелли, владелец и управляющий компанией в одном флаконе. Этому невысокому лысоватому толстячку с темными глазами-маслинами на вид можно было дать не больше пятидесяти лет. На самом деле Джузеппе было шестьдесят семь. Но это не помешало ему обшарить взглядом мою пятую точку.

Сопровождали главу компании два итальянца лет сорока. Один – крупноватый кудрявый брюнет с пивным брюшком и отсутствующим взглядом. Второй – худой как щепка, с залысинами и неприятным масляным взглядом. Сначала он оценил прелести щебечущей переводчицы. Юная Танечка ему почему-то не понравилась. Потом его взгляд не спеша переместился на меня. И пока я не заняла свое место рядом с Борисычем, тайком лапал меня глазами.

Самое отвратительное, что один из двух сопровождающих – сын и преемник Диарелли. А значит, от него не избавиться. И я подозревала, что сынок пошел в папашу не внешним видом, а темпераментом. Не даром же сначала папаня на меня пялился. А потом этот... Приличных слов для характеристики которого нет.

Поймав очередной пристальный взгляд щепкообразного на мою пятую точку, я мстительно пообещала ему, мысленно конечно, прийти завтра на переговоры в том самом скучном и тусклом коричневом костюме. И пусть паянется на здоровье. От задуманной подлянки даже настроение поднялось.

Когда Танечка представила нас друг другу, я выругалась про себя. Я ошиблась. Сыном Джузеппе был тот, с отсутствующим взглядом. А худой оказался племянником, сыном любимой сестры, Бруно Пеларатти. Танечка на бумажке подсунула мне перевод его фамилии. И я невольно поморщилась – фамилия Пеларатти в переводе на русский язык означала «лишать шерсти крыс», не самое приятное занятие.

Несмотря на то, что Диарелли сами вышли на нас, и мы им были куда нужнее, чем они нам, Джузеппе бодался с нами за каждый евроцент. И, как и предсказывал Борисыч, подписание контракта было отложено.

Выходили мы из конференц-зала все вместе. Джузеппе и Борисыч впереди. Между ними уставшая, но по-прежнему щебечущая Танечка. Я шла следом. Где-то позади были Миша и Коля. Но я даже не оглянулась на них. Свои силы я похоже переоценила. И сейчас мечтала только об одном: поскорее добраться до номера. В обед я под пристальным взглядом шефа съела почти все, что было на тарелке. И сейчас голода не испытывала вовсе. Поэтому ужин я пожертвую итальянцам. А сама пойду отлеживаться.

Занятая такими мыслями, я пропустила момент, когда меня догнал худой итальянец. Очнувшись от того, что тот как клещами сжал мою талию и выдохнул мне в лицо на ломанном английском:

– Я хочу тебя! Сколько?

Глава 4

Я сначала даже ушам своим не поверила. Ну мало ли. Устала. Неправильно поняла слова, сказанные на чужом ломанном языке. Но Бруно своими действиями мгновенно развеял все мои сомнения.

Чужие костлявые пальцы как-то очень быстро переползли с талии вверх и больно сжались на мягком холмике, безжалостно сминая дорогой шелк. Моя усталость мигом растворилась ключьями серого тумана. Я возмутилась сквозь зубы:

– Убери лапы, мерзавец!

Итальяшку не пророняло. Я высказалась по-русски и он, то ли не понял, то ли сделал вид, что не понял. Наоборот, Бруно осклабился мне в лицо отвратительным маслянистым оскалом. И что-то залопотал, щедро разбавляя картавые английские слова родной речью. Вот тупица! Скунс похотливый! Я попыталась вывернуться из его цепких лап. Но только взвизгнула от боли. Проклятый итальяшка ущипнул меня за грудь так, что слезы брызнули из глаз. Да что ж такое! Вот пристал, как клещ к собачьей заднице! От злости позабыв обо всем, что знала и умела, я без затей вонзила в ступню придурка каблук. Пусть не высоченный гвоздик, но вполне приличная семисантиметровая шпилька.

Бруно взвыл неисправной пожарной сиреной. Его, наверное, слышали не только в Милане, но и в Риме. Полуоглушенная мужским воплем, я дернулась прочь из его рук. Но куда там! Тощий итальяшка обладал приставучестью пиявки. И не собирался выпускать меня из своих клешней.

– Что тут происходит?! – Рев бешеного быка в исполнении вернувшегося Борисыча заставил не только заткнуться моего обидчика, но и присесть от страха всех остальных.

Джузеппе изумленно и с некоторой опаской косился снизу-вверх на Борисыча. Подоспевшие Миша и Коля втянули головы в плечи. Танечка побледнела.

– Мне повторить? – Шеф был в бешенстве. И не считал нужным это скрывать. – Анна?..

Ненавижу оправдываться. Кроме того, при всех признаваться, что зазевалась настолько, что позволила постороннему облапить меня в коридоре гостиницы, практически у всех на глазах, было унижительно. Но оказалось, что это не самое худшее.

Не успела я собраться с мыслями и открыть рот, как мой обидчик быстро-быстро что-то затарахтел по-своему, на итальянском. Бледная Танечка, вслушивающаяся в торопливую речь, все больше хмурилась. А когда начала переводить, то я просто обомлела!

– Синьор Пеларатти говорит, что Анна приставала к нему. Сделала непристойное предложение. И пригрозила, что если синьор Пеларатти не согласится, то договор будет подписан на самых невыгодных для итальянской стороны условиях.

Все уставились на меня в упор. Танечка с ужасом. Борисыч – как будто у меня выросла вторая голова. Миша – с научным интересом. Колю я не видела. Джузеппе морщился. И только его сын оставался ко всему безучастным. А я молча открывала и закрывала рот, не находя приличных слов для определения происходящего.

Но и это, как оказалось, было еще не все. Стоящий сбоку, а потому невидимый для меня Коля вдруг взревел на весь этаж и бросился на незадачливого Бруно:

– Ах ты мразь! Говнюк итальянский! П***р за****ный!

Я распласталась по стене, отброшенная в сторону сильной рукой Ипатова. Напротив ошарашенно хлопала ресницами покрасневшая Танечка. Похоже, девчонке еще не доводилось слышать таких словечек. Прежде, чем кто-либо из нас успел опомниться, кулак Ипатова со смачным хрустом врезался в скулу итальянца.

Первым пришел в себя шеф. Борисыч бросился к драчунам и в одно мгновение растащил их в разные стороны, без труда удерживая сопротивляющегося Колю за шкирку в вытянутой

руке. В другой руке Бориса Викторовича использованной тряпочкой тихо висел Бруно Пеларатти. Силен шеф!

Борисыч неласково встряхнул трепыхающегося Ипатова и грозно зыркнул в мою сторону:

– Анна, я долго буду ждать от тебя ответа? Что тут произошло?

Вздых сдержать не получилось. Все-таки при всех.

– Борис Викторович, вы меня знаете, оправдываться не буду. Господин Пеларатти догнал меня, схватил за талию и поинтересовался сколько я хочу за секс с ним. Меня данное предложение не заинтересовало. И я попыталась решить все миром. Не вышло. Более того, господин Пеларатти начал применять силу по отношению ко мне.

Танечка торопливо переводила мои слова итальянцам. Джузеппе нервно комкал в руках большой клетчатый платок, все порываясь вытереть им лысину. Несмотря на то, что в коридорах гостиницы царила приятная прохлада.

Сам Бруно, тихо висевший в руке шефа, с последними словами переводчицы вдруг визгливо завопил на все том же ломаном английском, брызжа слюной:

– Лжешь! Ты лжешь, грязная шлюха!

Джузеппе и вовсе позеленел. И нервно затараторил. Я дождалась пока Танечка переведет:

– Синьор Диарелли просит прощения за некорректное поведение племянника. И говорит, что, к сожалению, Бруно иногда бывает не слишком вежлив.

Шеф хмыкнул и с отвращением встряхнул Бруно:

– Не слишком вежлив? Это чересчур вежливое определение поведению этого недомужика.

Шеф отпустил Бруно и Ипатова. Колю предусмотрительно придерживал одной рукой. А вот итальянца не миндальничая отпихнул от себя в объятия любимого дядюшки:

– Татьяна, переведи! Если многоуважаемый синьор Диарелли хочет сотрудничать с нашим концерном, то ему придется отправить племянника в какую-нибудь командировку. Я не желаю его видеть рядом со своими сотрудницами!

Пожилой итальянец, выслушав перевод, часто-часто закивал и горячо заверил, что завтра на переговорах Бруно не будет. И вообще, он отныне займется совершенно другими делами.

Мы провожали глазами итальянское трио, пока мужчины не скрылись в лифте. Как только створки лифта захлопнулись, Борисыч грозно уставился на Ипатова:

– Ну? Петух гамбургский! Не мог кулаками не размахивать?

Коля скривился:

– Мне башню снесло от его идиотских обвинений в Анькин адрес! Не позволю всяким чернозадям итальяшкам оскорблять девушку, которая мне нравится!

Лицо Борисыча смягчилось. А Ипатов добавил:

– К тому же я аккуратен. Чтобы и воспитательский эффект был достигнут, и в членовредительстве нельзя было обвинить.

Шеф отвесил Ипатову увесистый подзатыльник:

– Ишь ты! Воспитатель выискался! Самого кто бы повоспитывал! Вот если бы вы с Мишкой не шлялись непонятно где, то и воспитывать никого бы не нужно было!

Коля обиженно потер затылок:

– Да кто же знал, что этот придурок настолько озабоченный!

– Да он еще до начала встречи раздевал Аню глазами!

Я ошеломленно оглянулась на воинственно настроенную переводчицу. Впрочем, удивилась не я одна. Шеф хмыкнул:

– Ладно. Будем надеяться, что Диарелли – здравомыслящий человек. И этого недоделка мы сегодня видели в первый и в последний раз.

Я поежилась под пристальным взглядом Борисыча:

– Аня, сильно пострадала?

Я передернула плечами:

– Несколько синяков. Просто неприятно.

– Как себя чувствуешь?

Я опять пожала плечами:

– Сносно. Но уже устала.

– Тогда иди отдыхай.

– Спасибо, Борис Викторович. Увидимся завтра.

– Я провожу! – Коля даже подскочил на месте.

А я поморщилась. Ипатов как с ума сошел в Италии. То только смотрел на меня. И то изредка. А то вдруг права начал предъявлять. И я не знала плакать мне или смеяться.

Ипатов не обратил внимания на мои гримасы и пристроился сбоку. Слава богу, даже не пытался взять под руку.

Мы молчали всю дорогу до моего номера. Но, когда я уже отперла дверь и понадеялась ускользнуть, отделавшись малой кровью, Коля ухватил меня за руку:

– Аня, погоди.

Я молча уставилась на Ипатова.

– Прости меня. Я не думал, что этот итальянский придурок решится протянуть свои клешни к тебе. Не уследил.

Я пожала плечами:

– Не бери в голову. Идиотов везде хватает.

Ипатов радостно улыбнулся:

– Ань...

Я осторожно выдернула свою руку из руки Ипатова:

– Коль, не надо.

– Я тебе не нравлюсь? Или у тебя кто-то есть?

Я посмотрела на напряженного Ипатова. Вот как ему объяснить?

Но пояснять ничего не пришлось. Коля догадался сам:

– Или ты до сих пор ждешь того му***, который тебя бросил?!

Я горько усмехнулась. Ипатову явно не понять, что творится у меня на сердце.

– Пусть будет жду. Не важно, Коля. Главное, что мне нечего тебе дать. Прости. Все не совсем так, как ты думаешь. Но итог от этого не изменится. Лучше не жди меня. И не надейся.

Наверное, я причинила Коле боль. Или просто ранила его гордость. Но Ипатов вдруг поджал губы. Молча, с каменным лицом отступил от меня, развернулся и ушел. Я смотрела на прямую, как палка, напряженную мужскую спину, и на душе было горько. Почему все так некрасиво складывается? Почему так несправедливо?

Глава 5

Заперев за собою двери гостиничного номера, я устало привалилась к двери. Нужно было снять проклятый костюм. Нужно было принять ванну. И, наконец, лечь. Но силы меня покинули ровно в ту минуту, когда спина Ипатова исчезла за ближайшим поворотом. Во рту стоял отвратительный привкус. И я спинным мозгом чувствовала приближение приступа. Нужно что-то делать.

Кое-как отлепившись от двери, я поплелась в ванную, на ходу стаскивая с себя ненавистный костюм. Не имея сил убрать вещи как положено, поморщившись от досады и накатывающей волнами боли, я просто уронила юбку на ковер. Блузка и пиджак легли на стоявший рядом с кроватью пуф, обиженно ежась на нерадивую хозяйку.

Едва я успела добраться до умывальника, как на подставленную ладонь упала первая алая капля. Пошла носом кровь. Голова закружилась. В глазах потемнело. И я едва устояла на ногах. Спасибо, было за что ухватиться.

Переждав первую волну приступа, я трясущимися руками выудила из шкафчика перекись и бинт. Нужно успеть затампонировать нос, умыться, выпить обезболивающее и добраться до кровати. Иначе упаду там, где накроет вторая волна.

Холодная вода немного прояснила мысли. Я оглядела себя в большом настенном зеркале – бледная до серости, губы под стершейся помадой отдают синевой, худая до невозможности, а в глазах ужас. Я не боюсь умирать. Но я боюсь того, через что придется пройти перед смертью. Это ужасно – умирать от лейкоза, зная насколько болезнь источит твоё тело. Приходя на обследование в онкодиспансер, я видела собратьев по несчастью. Источенных, изъеденных болезнью. словно кусочек искусственного меха, траченный голодной молью.

Кое-как остановив кровь, я заменила турунды в носу чистым бинтом. Проглотила сразу три таблетки. Стянула с себя чулки и белье. И, натянув ночную рубашку с Минни Маус на груди, измученно забралась под одеяло. Меня лихорадило и ломало. Приступ набирал обороты.

Сжимая зубами уголок одеяла, чтобы не стонать от боли, я металась по кровати в тщетных попытках найти позу, от которой меньше будет ломать тело. Комната перед глазами плыла и причудливо изгибалась. И, кажется, мутилось сознание. Потому что, изогнувшись в очередной раз в одну из разнообразных поз эмбриона, я с удивлением увидела, что запертая дверь номера отворилась. И в номер вошла женщина.

Я замерла от удивления. Даже боль куда-то отступила. Точно помню: дверь запирала. И ключ оставила в замочной скважине. Так как же незнакомка сюда попала? Я попыталась встать. Но тело мне не подчинилось. словно спеленатое чужой волей. И тогда я поняла. Я всего лишь сплю! Потому и боли нет. Потому даже пальцем шевельнуть не могу. Накатило облегчение. Сон, так сон.

Больше не пытаясь пошевелиться или встать, я молча наблюдала за женщиной. Разглядеть её лицо у меня не получалось, как я ни старалась. Черты лица плыли и словно перемешивались между собой. Так, что разобрать хоть что-то было невозможно. Но в движениях и жестах незнакомки не было агрессии, поэтому я не беспокоилась.

Женская фигура осторожно приблизилась и присела на край кровати. Невесомо прикоснулась к моей руке. Вздохнула. Нежно погладила по голове. Едва слышный шепот ночным ветерком пролете по комнате:

– Бедная моя девочка! Сколько же на твою долю выпало испытаний! Прости меня, родная! Я не предполагала, что блок окажется настолько сильным. Планировала, что его снесет в момент инициации. Но, видно, не рассчитала силу. Мне очень жаль, что так получилось!

Незнакомка всхлипнула. А меня словно плетью огрели. В мозгу блеснула догадка: это моя мама! Мне тут же захотелось вскочить, обнять ее, прижаться. И пожаловаться, как страшно умирать в одиночестве. Но проклятый сон не давал даже пальцем шевельнуть! Я заскрипела зубами и, напрягая последние силы, попыталась хотя бы пальцем шевельнуть. Ничего не вышло. Я по-прежнему лежала словно парализованная.

Женщина, так и не заметив моих усилий, снова принялась поглаживать меня по волосам. Как маленькую.

– Ничего, моя дорогая, ничего. Потерпи еще немножко. Совсем чуть-чуть. Твое спасение уже совсем рядом. У тебя все будет хорошо. Я точно знаю. Не знаю еще как, но все будет очень хорошо. Ты только амулет не снимай.

Я и так не ощущала во сне боли. Но от ласковых, размеренных прикосновений той, что когда-то была моим самым близким и самым родным человеком, в теле словно какие-то потайные узлы распустились. Мышцы расслабились. И я неожиданно почувствовала покой и умиротворение. Я ощутила себя так, словно болезни никогда и не было. Просто сильная усталость после тяжелого трудового дня. Мне стало как никогда мягко и уютно. И вот так, под нежные размеренные поглаживания, я и уплыла в небытие.

Утро встретило меня дождем, долгожданной прохладой и... отличным самочувствием. Словно и не было никогда болезни. Словно и не было вчерашнего приступа.

Лежа в кровати, я с удовольствием потянулась до хруста в костях. Каждая моя клеточка пела и звенела весенней каплей. Словно предвкушала что-то очень хорошее. Словно и не было вчерашней мерзости.

Я спрыгнула с кровати и протопала в ванную. Зеркало отразило худенькую девчущку со сверкающими глазищами. И в этих огромных, широко распахнутых глазах светилась какая-то тайна. Засмеявшись над собственной глупостью, я открыла кран и пустила воду. Пора собираться на завтрак.

Выбирая, что сегодня надеть, я так и не смогла выполнить свою вчерашнюю угрозу и натянуть унылое коричневое убожество. Душа пела и вибрировала. Требовала если не шика и роскоши, то хотя бы красоты. Поэтому я выбрала строгий брючный костюм глубокого синего цвета с интересной изюминкой: пиджак был скроен так, что блузка под него не надевалась. Заменив обычный бюстик на косточках плотным бесшовным, я удовлетворенно улыбнулась. В скромном вырезе пиджака нет-нет, и мелькал черный кружевной край, дразня воображение. То ли, маечка, то ли белье, то ли обман зрения. Ну все, итальяшкам сегодня конец!

На завтраке радостными воплям меня встретила только Танечка. Борисыч хмуро буркнул, что я зря над собою издеваюсь. Мише было явно все равно. А Ипатов упорно не смотрел в мою сторону. Обиделся? Не выспался? Напился вчера с горя? Некоторое время я пыталась понять настроение Коли. А потом плюнула. Так будет даже лучше. Мне все равно не стоит его к себе привязывать. Пусть лучше поищет себе здоровую. Вон даже ту же Танечку. А я уже практически отработанный материал.

После завтрака я, не обращая внимание на злое сверканье глаз шефа, вместе со всеми устремилась к залу для переговоров. Пусть Борисыч бурчит. А я точно знаю, что просто обязана быть сегодня на переговорах. Если бы кто-то спросил меня, откуда такая уверенность, то я, скорее всего, просто бы пожала плечами. Я не знала, откуда. Но была уверена, что поступаю правильно.

Вот только моего боевого настроения надолго не хватило. Весь мой запал едва не улетучился как дым, когда первое, что я увидела за распахнутыми дверями в конференц-зал было глубокое удовлетворение в черных глазках-маслинах синьора Бруно Пеларатти. Чтоб его лишённые шерсти крысы покусали...

Глава 6

Я вяло болтала ложкой в тарелке с горячим. Настроения не было никакого. И не только у меня. Подавленно молчала даже хохотушка и щебетунья Танечка. А все из-за мерзкого синьора Пеларатти. Его дядюшка, Джузеппе Диарелли на переговорах так и не появился. А Бруно не торопился подписывать документы, всячески затягивая переговоры. У меня вообще возникло ощущение, что Бруно не интересно сотрудничество с нашей корпорацией. Любые доводы и аргументы просто тонули в масляном блеске его глаз. А смотрел синьор Бруно только на меня. И так смотрел, что ближе к полудню у меня появилось стойкое ощущение, что я извозилась в нечистотах и мне срочно требуется душ. И я бы охотно вместо обеда сбежала в номер. Но наткнувшись на жадный, предвкушающий взгляд итальянца, поспешно отказалась от своего замысла и прочно приклеилась к боку Борисыча. Тот мрачно посмотрел на меня, потом раздраженно зыркнул на итальяшку, и промолчал.

Молчал он и в ресторане, удовольствовавшись дежурным блюдом. Впрочем, аппетита у шефа не было так же, как и у нас.

– Еще один такой день, и можно возвращаться домой. – Миша с отвращением отпихнул от себя тарелку. – Съездили называется!

Ипатов желчно фыркнул:

– А не надо было с собой Аньку тащить! Толку от нее никакого. Одни проблемы!

Тихо ахнула переводчица. Миша неловко отвел глаза. Я не знала куда деть руки. Не ожидала такого от Коли. Он же вроде ухаживал за мной! И тут такое...

– Или отдать ее этому итальяшке. Сильно не помнет. А договор...

– А ну тихо!

От разъяренного рева Борисыча на столе подпрыгнули стаканы. А официант у соседнего столика уронил папку с меню. Мы все втянули головы в плечи. Коле хватило ума симитировать пристыженный вид.

Борисыч преувеличенно осторожно положил ненужную уже ложку на стол и обвел нас тяжелым взглядом:

– Вот что, детки, не след вам грызться между собой как шакалам. Наша сила в единстве. Этот контракт больше нужен Диарелли, чем нам. Корпорация ничего не потеряет, если он не будет заключен. А неудачная деловая поездка... Ну, считайте это мини-отпуском за счет организации. Все ясно?

Мы переглянулись, и Миша неловко кивнул. Танечка тихонечко всхлипнула:

– Да, конечно, Борис Викторович.

Не дожидаясь, пока в мою сторону посмотрят, я тихо подтвердила:

– Я вас услышала.

Над столиком ненадолго повисла тишина. Устав ждать подтверждения от Ипатова, Борисыч хмуро поинтересовался:

– Николай?

Ипатов упрямо молчал. Борисыч склонил в сторону голову, совсем как любопытный воробей, и ласково поинтересовался:

– Коленька, бунтуем?

Коля нехотя поднял голову и с вызовом глянул в глаза шефу:

– Никак нет, Борис Викторович! – И тут же тихо добавил: – Было бы из-за кого нарываться на головомойку.

Борисыч эту фразу не расслышал. А может, только сделал вид, что не расслышал. Мне же стало совершенно ясно, что я нечаянно нажила себе врага. Сильного врага. Жаль конечно.

Ипатов – темная лошадка. На что он в действительности способен я так до конца и не выяснила. Но с другой стороны, враждовать нам не долго.

Обед был безнадежно испорчен. Настроения и так ни у кого не было, а тут еще и Ипатов со своей то ли ревностью, то ли ненавистью. Кое-как дождавшись, пока Борисыч закончит и встанет из-за стола, я тенью выскользнула следом. Лучше проскользнуть за спиной шефа пораньше в номер, чем рискнуть где-то погулять и вляпаться в неприятности.

Но удача в этот день окончательно повернулась ко мне тем самым мягким местом, на котором обычно люди сидят. В холле недалеко от ресторана Борисыча перехватили какие-то мужчины в дорогих деловых костюмах. У одного на запястье тускло блеснули золотые часы.

Споткнувшись от огорчения и недолго потоптавшись недалеко от бизнесменов, я расстроено потопала в номер самостоятельно. Уж лучше так, чем торчать у всех на виду, словно озабоченная поклонница. Авось пронесет.

Не пронесло. Успешно преодолев два холла и несколько пролетов лестницы, удивляясь самой себе, что пошла пешком, вместо того, чтобы воспользоваться лифтом, я вывалилась на своем этаже. И остолбенела. Стену у дверей моего номера подпирал нагло ухмыляющийся Бруно. По спине пробежал холодок. Я влипла. Все наши остались в ресторане. Борисыч застрял с какими-то знакомыми. А мне хоть караул кричи.

Итальяшка окинул меня взглядом и в его масляных глазках мелькнуло торжество. Видно понял, гад, что на помощь мне никто не придет. Наступив на горло собственному страху, я подавила желание беспомощно оглянуться. В конце концов, я нахожусь в пятизвездочной гостинице в центре Милана. За окном белый день. Что он мне сделает? Расправив плечи, я двинулась к собственному номеру.

Бруно жадно обшаривал взглядом мою фигуру, почти облизывал. И я содрогалась от омерзения каждый шаг, что приближал меня к номеру и к этому гаду. К счастью, итальяшка не двигался. Но я уже всерьез начала опасаться доставать при нем ключ от номера. Если он ввалится в номер следом за мной, мне крышка. От изнасилования уже никто не спасет. По глазам его паскудным вижу, не спасет.

Мне оставалось не более полутора метров до заветной двери. Полтора метра до нешуточной опасности. Я видела, как мерзавец подобрался, внимательно следя за каждым моим движением. Помимо воли дыхание начало сбиваться.

Метр.

Бруно, небрежно опиравшийся о стенку, выпрямился, медленно вынимая руки из карманов. Я невольно замедлила шаг, не решаясь достать из сумочки ключ.

Полметра.

Ковровая дорожка посреди коридора, признак роскоши отеля, словно живая цепляет меня за каблуки. Будто хочет задержать. Проклятый итальяшка с торжеством и предвкушением смотрит на меня, словно жирный кот на серую мышку. И я уже почти решаюсь проскочить мимо и шмыгнуть в лифт, когда неожиданно приходит спасение. Двери номера чуть дальше по коридору распахиваются настежь, выпуская из своих недр роскошную надменную даму, по самые брови укутанную в золотистое соболиное манто. И это не смотря на жару! Дама подозрительно смотрит на Бруно, поворачивается к своему спутнику, все еще прячущемуся за стенами номера, и что-то говорит. Я не понимаю. Это кажется французский. Но Бруно неожиданно перекашивает. А следом из номера показывается спутник соболиной дамы. И я в восхищении выдыхаю. Мужчина – вылитый Шварценеггер в молодости. Только темной масти. Квадратный подбородок. Косая сажень в плечах. Буйные кудри. И я не сомневаюсь, что под элегантным вечерним костюмом-тройкой скрываются самые невероятные мышцы.

Терминатор в вечернем костюме медленно и показательно загораживает собой соболиную даму. Выразительно смотрит на итальяшку, слегка приподняв бровь. Вот честное слово,

любовалась бы и любовалась! А еще самую чуточку жаль, что нет возможности записать для памяти на видео, как Бруно при виде внушительных мышц трусливо поджал хвост. Только на слабых и способен нападать, мерзавец.

Последняя мысль заставила опомниться. И я, торопливо выхватив из сумочки ключ, молниеносно оказываюсь в номере. Только заперев за собою дверь, я наконец-то выдыхаю. Повезло.

Глава 7

Впервые с того момента, как я повторно, уже осознанно надела на себя Ключ, вернулись кошмары. Всю эту ночь я, то тонула, то всплывала в вязком жутком мареве. Мне бесконечно что-то снилось. Липкие жуткие сновидения затягивали с головой, не отпускали. Лишь на пару секунд мне удавалось избавиться от очередной извращенной картины моего больного сознания, открыть глаза, осознать, что я по-прежнему нахожусь на сбитой постели в темном номере почти в центре Милана. Перевести дух, восстановить сбившееся дыхание. И снова провалиться в очередную мутную картину, где я одновременно выступала в роли главной жертвы и зрителя.

Ко мне попеременно приходили Бруно Пеларатти, та рыжая дрянь, которой я в прошлом году в кафе надела на голову тарелку с десертом и моя покойная тетка. При чем самой страшной для моего сознания была картина с итальяшкой – мне долго, раз за разом, виделась одна и та же сцена. Бруно неведомым мне образом отпирает двери моего номера, входит, запирает их за собой, проходит ближе к кровати, гнусно ухмыляясь мне в лицо, демонстративно-медленно стаскивает с себя одежду. Всю абсолютно, оставляя только черные шелковые носки со зловещей красной полоской. И наваливается на меня сверху.

Сколько раз за ночь Бруно насиловал меня в моих кошмарах, я сбилась со счета. Но когда в моих снах мерзкого итальяшку сменила моя тетка, стало еще хуже. Потому что родственница издевалась не над телом. Она насиловала мозг. От ее бесконечных, пропитанных ядом презрения нотаций хотелось выброситься в окно.

Под утро ко мне пришел... Алекс. Наверное, мироздание задумало этот визит, как очередную пытку для меня. Но когда вампир вынырнул из темноты и, бесшумно подойдя к кровати, прилег рядом со мной поверх скомканных простыней, я неожиданно успокоилась. Под родным внимательным взглядом я неожиданно расслабилась. Алекс не шевелился, ничего не говорил. Только смотрел. А внутри меня разливалось тепло. Я была рада, что, хотя бы так, но я вновь нахожусь рядом с любимым. Хотя бы во сне.

Закономерно, утром я встала не выспавшаяся и разбитая. Болела каждая клеточка, каждая молекула моего многострадального тела. С трудом добравшись до зеркала в ванной, я скринулась. Из зеркальной глади на меня смотрело измученное, помятое, почерневшее существо со всклокоченными волосами.

Пол часа под прохладным душем несколько поправили положение. А макияж и прическа внешне почти сделали из меня человека. Но плохое самочувствие никуда не делось. И я уже начала всерьез задумываться над тем, чтобы сегодня остаться в номере, когда ко мне прибежала, сверкая глазами, переводчица Танечка.

Я как раз стояла посреди номера в одном белье, держала в руках тот самый ужасный костюм тускло-коричневого цвета, в тон моему настроению, и решала трудную задачу: рискнуть, и пойти на переговоры? Или лучше закрыться в номере и переждать это кошмарное состояние? Когда раздался дробный и задиристый стук в двери.

Я вздрогнула, едва не выронив одежду. Сердце в груди екнуло. Кто? Бруно? Вчера итальяшка еще с полчаса скребся в мои двери. Пока я не услышала чью-то гневную отповедь на итальянском. В коридоре хлопнули двери. И все стихло. Видимо, мерзавец помешал чьему-то отдыху. И ему чем-то пригрозили, вынудив ретироваться.

Подкравшись к двери, я прислушалась. Из вне не доносилось ни звука. И я рискнула осторожно поинтересоваться:

– Кто?

– Ань, открой, помощь нужна!

Задорный, возбужденный голос Танечки успокоил. И я отперла замок, распахнула дверь.

Танечка влетела в номер словно первый весенний шмель: шумная, взбудораженная, чуточку неуклюжая. Она заметалась по комнате и тут же принялась меня тормошить:

– Ань, ты уже почти готова? Отлично! Одевайся! Быстро перекусим, и готовить документы! Позвонил сын синьора Диарелли! Сегодня подписываем контракт! – И без всякого перехода мне: – Что за ужас ты собралась на себя нацепить?

Танечка подскочила ко мне и, бесцеремонно выдернув из рук комок коричневой ткани, швырнула ее на кровать.

– Где тот шикарный костюм, в котором ты была позавчера? Мы – победители! И должны выглядеть победителями! Быстро его надевай! И губы подведи поярче! – Танечка прищурилась, и словно только сейчас впервые увидела меня по-настоящему:

– Слушай, подруга, ты чего такая бледная? Словно с креста снятая!

Я усмехнулась глупому сравнению и неожиданно для самой себя приняла решение:

– Спала плохо, кошмары снились. Сейчас кофейку выпью, и все будет нормально.

Танечка подозрительно прищурилась. Совсем как Борисыч:

– Точно нормально? Или лучше останешься в номере?

– И пропущу наш триумф? – Я фыркнула. – Вот еще! Не зря же я страдала от выходов мерзавца Бруно.

Танечка задумчиво прикусила губу:

– Это да. Гадкий племянничек синьора Джузеппе попортил тебе крови. И показать ему свое превосходство – это отличная идея. Только...

– Никаких только! – Я решительно натянула на себя узкую юбку от брендового костюма ядовито-оранжевого цвета и вжикнула молнией, застегивая ее. – Расскажи лучше, какого рода помощь тебе нужна.

Танечка тут же позабыла про неприятного итальяшку и погрузилась в пересказ своего диалога с сыном Джузеппе. Нам предстояло внести правки в первоначальный вариант договора и все подготовить к десяти часам, к началу заключительного раунда переговоров.

В ресторане было еще пусто. Но нам быстро принесли горячий кофе, свежую, распростирающую одуряющий аромат вокруг, выпечку, масло и фрукты. И я даже что-то сжевала. Впрочем, совсем не чувствуя вкуса. Не смотря на запах, пища для меня на вкус была мало отличима от, скажем, упаковочного картона. К счастью, Танечка, поглощенная набором договора, не обратила внимание на то, что и сколько я ем.

Когда Борисыч, Миша и Ипатов появились в переговорной, мы с Танечкой уже заканчивали раскладывать распечатанные экземпляры договоров. Танечка сразу бросилась под ноги шефу, фонтанируя энергией и на ходу отчитываясь о внесенных правках. Слушая переводчицу, шеф хмуро меня оглядел. И я почувствовала себя неудобно.

Еще позавчера апельсиновое чудо дизайнерского искусства обтягивало меня как перчатка. А сегодня в бедрах неожиданно обозначился запас в пару сантиметров. Юбка еще не висела на мне, как на вешалке. Но и вид уже был не тот. Я стремительно теряла в весе. И шеф, кажется, это заметил. А может, просто все мои усилия по сокрытию следов тяжелой ночи не увенчались успехом. И сейчас Борисыч пытался решить, выдержу ли я переговоры.

Не знаю, чем бы в итоге закончились эти смотрины, если бы в этот момент не распахнулись входные двери, впуская в переговорную уже пришедших итальянцев. Я украдкой покосилась на часы. Нервничают наши потенциальные партнеры, раз явились почти на тридцать минут раньше. Или просто пытаются таким нехитрым способом деморализовать нас. Я положила возле Миши последний распечатанный экземпляр и выпрямилась, готовясь приветствовать будущих партнеров по бизнесу.

И тотчас же почувствовала, как положенная по протоколу улыбка судорогой сводит мое лицо, насмерть примерзая к губам. Нет! Этого просто не может быть! Я все еще сплю, и

вижу сон. Кошмарный сон. И мне нужно срочно проснуться. Ну не может мироздание быть настолько жестоким!

Прямо на меня, словно в замедленной съемке, шел и что-то тихо говорил мрачному и злому Бруно на ухо... Алекс.

Переговорная, словно взбесившись, завертелась вокруг меня жуткой каруселью.

Глава 8

Несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, я пыталась устоять на ногах и взять себя в руки. Ну кто там утверждал, что планета Земля большая? Чушь! Маленькая она. Бесконечно маленькая.

Наконец, переговорная прекратила свою бешеную свистопляску вокруг меня. Положив последний экземпляр нового договора на положенное ему место, я поймала на себе хмурый взгляд Борисыча. Он заметил, в каком состоянии я нахожусь. Но промолчал. Первая заповедь шефа: противник не должен знать, на сколько мы слабы.

Наконец все расселись. И сын Джузеппе, имя которого опять вылетело у меня из головы, равнодушным голосом, словно он от всего смертельно устал, приветствовал нас. А затем и представил Алекса. Как Александра Дюваля. И все. Ни занимаемой должности. Ни за что отвечает. Ни почему тут присутствует. Впрочем, о последнем все сразу догадались, когда итальянец все так же бесцветно пояснил, что его отец находится в больнице после сердечного приступа. Состояние тяжелое, врачи разводят руками, и бла-бла-бла. Мы все прониклись. Особенно после того, как нам сообщили, что Джузеппе Диарелли требует заключения контракта, находясь чуть ли не на смертном одре.

Поймав себя на такой циничной мысли, я с трудом удержалась от того, чтобы не поморщиться. Не мне судить Диарелли. Каждый сам кузнец своего счастья. И несчастья тоже.

Пока я разбиралась со своим изменившимся мировоззрением, переговоры начались. Каждый практически бесшумно пододвинул к себе новый экземпляр договора. Все углубились в чтение. А я мысленно надавала себе оплеух. Что-то я совсем раскисла. И позволяю мыслям гулять непонятно где во время важных переговоров. А я пока еще работаю на корпорацию.

Мне и Танечке читать не было нужды. Этот документ составляли мы. С учетом всех пожеланий итальянской стороны. Не факт, что именно эту бумагу в итоге подпишут Борисыч и итальянцы. Но вот ее содержание я знаю почти как отче наш.

Воспользовавшись паузой, я украдкой покосилась на Алекса. Сердце сжалось в мучительном спазме. Во-первых, вампир осунулся и подурнел. Будто обычный человек. На бледной, почти пергаментной коже, без малейшего признака румянца, под потемневшими, карими глазами лежали глубокие тени. Карий цвет глаз меня удивил, но не настолько. Сейчас чуть ли не на каждом углу можно было без проблем купить цветные линзы. Еще и со зрачком самой разнообразной формы и текстуры. Так что цвет глаз точно не являлся проблемой. А вот очевидная измученность Алекса меня удивила. Еще когда мы были вместе, я заметила, что его кожа в принципе румянцем похвастаться не может. Но сейчас она была какой-то истончившейся, желтоватой. Если бы вампир был простым человеком, я бы сказала, что он тяжело болен. Или длительное время хронически не высыпается.

А еще изменились волосы. Стрижка у Алекса сейчас была куда короче, чем тогда, когда мы только встретились. Сейчас бы точно не получилось зарыться в его прическу пальцами, пропуская сквозь них шелковистые пряди. Фактически, вампир сейчас носил любимый большинством мужчин «ежик». А еще в густых темных волосах проглядывали седые прядки. Так не бывает. Или бывает?

Увлечшись разглядыванием родного существа, я пропустила момент, когда все закончили изучение договора. Несколько пар глаз впились в меня в явном ожидании. И среди них неодобрительный, подозрительный взгляд шефа. По моей спине вниз пробежала холодная липкая струйка. Я неожиданно осознала, как сильно Алекс рискует, появившись прямо под носом главного чистильщика. Ужас перехватил горло стальными тисками. Но, как ни странно, помог собраться с мыслями. Переговоры начались. Вернее сказать, возобновились.

На этот раз всю флегматичность и равнодушие итальянцев как ветром сдуло. Бруно Пеларатти откровенно бесился, бросая на меня такие взгляды, что если бы я была хотя бы деревянной, то уже давно бы сгорела без следа, не оставив после себя даже пепла. Алекс зорко следил за каждым движением, за каждым словом чистильщиков. И даже сын Джузеппе утратил свое безразличие. Обстановка накалялась.

Танечке сегодня приходилось туго. Она не замолкала ни на секунду, раз за разом прикладываясь к стакану с минеральной водой, чтобы смочить пересохшее горло. Как она успевала отслеживать словесный пинг-понг, которым перебрасывались между собой Борисыч, Ипатов и итальянцы, для меня было загадкой. Никогда мне не понять этой тяжелой и неблагодарной работы переводчика-синхрониста. Хотя, я точно знаю, этот труд хорошо оплачивается.

Вода на столе перед Танечкой закончилась быстро. Задолго до обеденного перерыва. Сидевший рядом с переводчицей Миша, осторожно пододвинул ей свою, почти нетронутую бутылку. Я уловила Танечкин ответный благодарный взгляд, и поняла, что между этими двумя не все так просто.

Сама я почти не говорила. На публику так точно. Лишь изредка тихонько поясняла шефу логику составленного документа. И каждый раз, когда мне приходилось двигаться, склоняться ближе к Борисычу, у меня все холодело внутри. Казалось, Алекс смотрит на меня, не отрываясь. У меня даже руки подрагивали от ощущения этого взгляда. Хотя на самом деле кроме вежливого интереса в самом начале, когда нас представляли друг другу, я больше не уловила ни единого взгляда.

В течении трех часов успели обсудить примерно половину документа. Как ни удивительно, и итальянцы, и Борисыч согласились почти со всем. В договор внесли только пару мелких правок, касающихся сроков доставок.

В начале второго шеф, демонстративно глядя на часы, предложил прерваться на обед, и пригласил итальянцев присоединиться. Мученически вздрогнула Танечка. Переводчик у нас один. А это значит, что поесть спокойно ей не дадут. Злобно сверкнул на меня глазами Бруно. Алекс бросил быстрый взгляд в нашу сторону: то ли на шефа покосился, то ли на меня глянул. Сын Диарелли кивнул головой, от имени всех принимая приглашение.

На выходе из переговорной возникла небольшая заминка. Борисыч, как человек воспитанный, пропускал итальянцев вперед. Но Бруно слишком очевидно и слишком злобно смотрел в мою сторону, не торопясь выходить. У меня ноги стали ватными. После вчерашнего, после жуткой во всех отношениях ночи, стычка с мерзким итальяшкой – последнее, что мне нужно. Я прочно приклеилась к боку Борисыча, старательно глядя в сторону. А что? Меня очень даже беспокоит состояние нашей переводчицы, которую заботливо поддерживает под руку Миша.

Закончилось все тем, что Алекс, очевидно потеряв терпение, или разгадав маневры Бруно, подошел к тому, и цепко ухватив за локоть, вывел в коридор. Шеф провел парочку хищным взглядом. Мои силы стремительно таяли.

Обед прошел мимо меня. То есть, я что-то ела, и даже что-то говорила. Но болезненное состояние нарастало. Сказывалось нервное напряжение последних дней, перелет и мои переживания по поводу Алекса. На обратном пути в переговорную я вдруг четко осознала: приближается приступ. Внутри взметнулась паника. Нужно было срочно уходить, если я не хочу рухнуть на пол, обливаясь кровью из носа, прямо перед будущими партнерами.

Но неожиданно все встало с ног на голову. Шеф скупно кивнул, соглашаясь, на мои тихие пояснения почему мне необходимо срочно уйти. Возмутился и запротестовал Пеларатти, что-то гневно требуя по-итальянски. Но мне уже было все равно, что он там лопочет, и что пытается перевести Танечка. Меня накрыло.

Без какого-либо перехода или подготовки меня скрутил спазм такой силы, что мраморный пол мгновенно выскользнул у меня из-под ног. От жуткой, раздирающей внутренности на части, боли в глазах потемнело. И я улетела в пропасть.

Глава

9

Открыла глаза я уже в собственном номере. И, судя по не до конца зашторенному окну, уже глубоким вечером. Еще не стемнело. Но комнату заливал глубокий, розовато-лиловый сумрак. По потолку над моей головой бродили тени. И я бездумно следила за ними глазами. Ничего не болело. Но я слишком хорошо понимала, что это обман чувств, фикция. Я вообще ничего не чувствовала. Может, я уже умерла?

Смутно, словно из далекой, уже прожитой, и потому чужой жизни, всплывали воспоминания: перекошенное лицо Борисыча, безмолвный вопль ужаса переводчицы, недоумевающая морда Бруно. Кажется, я урывками, ненадолго приходила в себя. И снова отключалась. Иначе откуда я могу знать, что в номер меня на руках принес Алекс. Не слишком вежливо при этом оттолкнув в сторону Ипатова. Кажется, Коля в ответ разразился такой тирадой в ответ, что портовые грузчики моего родного города обзавидовались бы, если бы услышали. Только я не уверена, что это все мне не пригрезилось.

А потом был пожилой седоусый врач-итальянец в безукоризненно отглаженном голубом медицинском костюме. Резкий запах спирта. Танечкино: "Это блокаторы, Борис Викторович", выдвинутое между всхлипываниями. И ею же переведенный вопрос от врача, произведший на всех впечатление разорвавшейся бомбы: "Знает ли синьорина о своем диагнозе?" Не уверена, но, по-моему, Борисыч ответил, что не только знаю о диагнозе, но и в курсе сколько мне осталось. После этого Танечка потерял сознание. И мы остались без переводчика.

К счастью, представители фирмы Диарелли к этому времени давно ушли. А пожилой врач вполне сносно объяснялся на английском, на котором Борисыч и Ипатов не говорили, а дышали. Так что проблем в понимании не возникло. Мужчины еще долго о чем-то говорили. Вот только я после инъекции все глубже погружалась в какое-то непонятное болото. Где даже дышать было тяжело. И вскоре и вовсе перестала воспринимать действительность.

Теперь же, наблюдая за танцем теней на потолке, я пыталась решить для себя несколько сложных задач. И первую очередь как понять: не приснилось ли мне все это? Алекс на стороне фирмачей Диарелли, сильнейший приступ посреди мраморного холла отеля и убийственный взгляд Ипатова в сторону вампира и чересчур ретивого итальянца. По телу пробежал озноб. Если мне все это не приснилось, то что тогда вынудило Алекса так бездумно и глупо рисковать своей жизнью? Ради чего? Ведь я уже давно убедилась, что вампир ничего не делает просто так.

Вечерние тени сгущались все сильнее, плавно перетекая в густую европейскую ночь. С приоткрытого балкона отчетливо тянуло душной сыростью и запахом дождя. Надо бы встать, прикрыть дверь, включить кондиционер. В прохладе мне всегда легче. Но тело, пережившее сильнейший приступ, подточенное болезнью и нервными переживаниями, накачанное неизвестными мне лекарствами, отказывалось мне подчиняться. Оставалась одно: ждать. Либо пока не пройдет слабость, и я смогу встать. Либо пока кто-нибудь не решит меня проведать. Беспомощность – самое унижительное чувство для того, кто давно привык полагаться только на себя. Но другого выхода у меня не было. Только лежать, страдать от духоты и ждать.

Неожиданно потолок прочертила странная длинная тень. Мелькнула и пропала. Тихо зашелестели шелковые гардины, прикрывавшие балконную дверь. Не то, чтобы я сильно испугалась: пятый этаж, на котором находился мой номер, не располагал к прогулкам по соседским балконам. Тем более, что ближайший соседский балкон находился на расстоянии более полутора метров от моего. И все же мое многострадальное сердечко сорвалось в очередной забег, впрыскивая в кровь приличную дозу адреналина. На этой волне даже удалось повернуть голову и слегка приподняться на одном локте.

Я долго всматривалась, затаив дыхание, в полутемную комнату. Изучала уже погруженные во мрак углы. Ощупывала взглядом пространство между кроватью и балконом. Бесполезно. Слишком явно в комнате была я одна.

Устав напрасно тратить и без того скудную энергию, я обругала себя последними словами и без сил рухнула назад на подушку. На глаза против воли навернулись слезы. Себе-то можно и не врать. Я ждала и надеялась, что ко мне придет Алекс. Но, видимо, напрасно. Скорее всего не я, а совсем другие дела вынудили вампира сунуться едва ли не в пасть к чистильщикам. Я – уже отработанный материал. И не стою того, чтобы ради меня рисковали бессмертием. Жаль. Я ведь ни на что не претендую. Всего лишь хочу попрощаться.

Горячие соленые ручейки выплеснулись из уголков моих глаз и резво побежали к вискам. Я с силой зажмурилась в попытке удержать непрошенную влагу. И даже задержала дыхание, не давая истерике взять надо мною верх, давя ее в зародыше. Смысла в слезах все равно нет. Только последние силы растеряю. Сосредоточившись на том, чтобы медленно, размеренно дышать, я сосчитала до двадцати одного. Дальше задерживать дыхание оказалось невозможным – легкие буквально разрывало от недостатка кислорода. И я вдохнула, чутко прислушиваясь к своему состоянию.

Как ни странно, моя варварская методика принесла результат: рыдать перехотелось. Осталась только невероятная, свинцовая усталость. Но с этим дыхательными упражнениями не справишься. Судорожно втянув носом воздух, я медленно открыла глаза. И оцепенела.

На краю кровати на расстоянии вытянутой руки от меня сидел Алекс. Вечерние тени бродили по его уставшему лицу. Пронзительный, нечеловечески-зеленый взгляд не отрывался от моего лица. Глюк?! Или реальность? Я замерла, забыв, что нужно дышать. Если это глюки, а мое тело сейчас где-то корчится в предсмертных судорогах, то пусть они продлятся подольше. Я жадно впитывала, изучала любимый образ, столько раз снившийся мне ночами за последние полгода.

Не знаю, сколько я так лежала, не дыша, не двигаясь, ничего не говоря. Но в конце концов у меня закружилась голова. Мне стало мало просто сидеть и смотреть. Захотелось прикоснуться. Пусть и в последний раз. Сказать, что я не в претензии. Что то, что меня ждет – закономерный конец для никому не нужной неведьмы. Алекс ни в чем не виноват. Сердце сжалось горько и сладко одновременно. Спасибо, судьба, за такой подарок в конце жизненного пути. Я не попрошу большего. Мне больше нечего желать. Разве что, чтобы любимый был рядом со мной до конца. Но только я точно знаю – вампир не согласится. Так что да, я благодарна и за то, что у меня есть. Вот только прикоснусь к нему в последний раз. Даже если это и глюк.

Я попыталась приподняться на локте, дотянуться хотя бы до его руки. Но предательская слабость и недавний выплеск адреналина подточили остатки моих сил. И, едва оторвав голову от подушки, я со стоном рухнула обратно. В теле родился первый спазм, предвестник приступа. Лекарство заканчивало свое действие. Тоска придавила грудь. Нет! Только не это! Не сейчас, пожалуйста! Не хочу, чтобы Алекс видел, на сколько мне сейчас плохо.

От бессилия и беспомощности слезы вновь хлынули из глаз.

Глава 10

– Анька!

Вся невозмутимость Алекса разлетелась вдребезги, как стекло. Вампир тенью метнулся с кровати на пол, встав на колени, сгреб меня в охапку и прижал мое мокрое от слез лицо к груди.

– Аня, прости! Прости! я так виноват перед тобой!

В голосе Алекса отчетливо слышалась мука. И что-то еще, что мне никак не удавалось опознать.

В его руках я чувствовала себя сломанной игрушкой. Не могла шевельнуться, сложно было дышать. Но я откровенно наплевала на свое кошмарное, разобранное состояние. Самое главное, под моей щекой, в самой непосредственной близости, гулко и нервно билось его сердце. Сердце, которому я принадлежала вся, без остатка.

Алекс оторвал меня от своей груди и всмотрелся в мое залитое слезами лицо. Приступ на время отступил, напуганный фонтаном моих эмоций. Но все равно мое самочувствие оставляло желать лучшего. И я безвольно обвисла в сильных руках любимого, жадно вглядываясь в его глаза, впитывая в себя его образ. Чтобы сохранить в сердце навсегда. Чтобы помнить его таким до последнего. Пока дышу. Пока бьется мое сердце.

– Аня, так плохо? – Тревога в голосе любимого бальзамом пролилась на мою израненную душу. – Боги, какой же я идиот! Обоих чуть не угробил!

Такого раскаяния мне еще не приходилось видеть. Не только у Алекса. Вообще. Словно Алекс сам себя судил, и приговорил к смертной казни. Странная фантазия. Но другое сравнение в голову не приходило.

– Сейчас, родная. – Хриплый шепот коснулся моего лица и погладил по щеке. – Жаль, что я не могу все исправить сразу. Слишком затянул. Ну ничего, потерпи немного, и все будет хорошо.

Я слышала, что мне шептал Алекс. Но смысл сказанного проскальзывал мимо меня. Я просто любовалась его глазами, губами, скулами. Еще бы иметь возможность хотя бы прикоснуться к нему. Но собственное тело мне не подчинялось.

Алекс бережно переместил меня к левому плечу, освобождая вторую руку. Осторожно погладил кончиками пальцев по щеке. А потом на моих глазах острейшим белоснежным клыком прокусил себе губу. На гладкой коже немедленно появилась крошечная рубиновая капелька.

– Родная, прости, я бы отдал тебе сейчас всего себя. Но не имею права так тебя подставлять. Внезапное выздоровление покажется очень подозрительным. Если бы только я вернулся чуть-чуть раньше! Но нет! Я слишком затянул, слишком долго колебался. Теперь придется подождать пока не появится возможность скрыться ото всех.

С этими словами Алекс припал к моим губам.

Не описать словами ту лавину чувств и ощущений, что мгновенно меня накрыла. Сначала знакомый пряно-медовый вкус крови на языке заставил задохнуться от восторга. Рождая где-то глубоко внутри меня крохотную искорку. Сметая на своем пути все, внутри меня вспыхнул пожар. Сердце забилося, как безумное, торопливо проталкивая по венам загустевшую кровь. Горячие, жгучие волны пробежали по телу, захлестывая разум. Кожа горела, требуя ласки. И я инстинктивно, как кошка потерлась о то, что меня неудержимо влекло.

Крышу снесло напрочь не только мне. Мы целовались, как сумасшедшие, вжимаясь в друг друга, вплавляясь под кожу. Не разобрать, где мои пальцы и губы, где его. Это было не

важно. Важно было лишь одно: то, что мы рядом, то, что вместе. Здесь и сейчас мы были единым целым.

Когда мы, тяжело дыша, наконец оторвались друг от друга, в комнате стемнело окончательно. Пришла ночь. Алекс прислонился лбом к моему лбу и, казалось, дышал мною. Пил меня. Его пальцы осторожно и ласково скользили по моей спине. Вверх и вниз. Туда и сюда. Я плавилась, растворялась без остатка в тех волнах бесконечной нежности, что шли от вампира. Но все же здравый смысл постепенно возвращался ко мне.

Медленно, очень медленно я заново осознавала кто я и где нахожусь. Что со мной происходит. И кто сидит рядом. И, наконец, тревога острым лезвием полоснула по сердцу. Я дернулась, отстраняясь от вампира, и с тоской заглянула ему в глаза, стараясь навечно сохранить в памяти этот образ:

– Алекс, уходи!

Вампир застыл.

– Алекс, я тебя умоляю: уходи! Сюда в любой момент может ввалиться мой шеф! А он между прочим главный чистильщик. Или кто-то из его подчиненных придет. И я не знаю кто опаснее. Шеф? Или Ипатов? Не рискуй так из-за меня! Я того не стою.

Оцепенение, охватившее Алекса при первых моих словах, постепенно спало. Вампир расслабился и нежно усмехнулся:

– Так приятно, что ты переживаешь за меня, заботишься.

– Алекс, это не смешно! – Тревога в груди нарастала. – Уходи, пожалуйста! Мне намного легче будет, если я буду знать, что ты жив и здоров. Пусть и не рядом со мной. Все равно для меня уже все кончено.

Я этого не хотела, но горечь все равно просочилась наружу в моих последних словах. Что бы я не говорила, но в глубине души все равно жила боль и разочарование, сожаление об упущенных возможностях.

Алекс нежно мне улыбнулся, ласково прошелся костяшками пальцев по моей скуле. Сердце предательски трепыхнулось. Не хочу, чтобы он уходил!!! Но надо.

– Аня, успокойся, тебе опять станет хуже, если будешь так нервничать. А у тебя сейчас задача продержаться до возвращения домой и уволиться. Потом мы исчезнем. И я все исправлю.

Я замерла, недоверчиво глядя на любимого. Что? О чем он? Но сердце уже колотилось, как безумное. А в груди робко расправила крылья надежда. Надежда на то, что все обойдется. И мы вопреки всему будем вместе.

Алекс, по-прежнему стоящий на коленях передо мной, вдруг выпустил меня из своих рук. Помог сесть ровнее. Поцеловал обе ладони. И, глядя мне прямо в глаза так пристально, что я вновь разучилась дышать, торжественно заявил:

– Ань, я очень виноват перед тобой. Я – полный идиот! Дебил, как принято сейчас говорить. Не понял ни тебя, ни себя. Не понял, что с нами происходит. И едва не угробил обоих. Но я ладно. Своя боль не так мучительна. А вот вину перед тобой мне предстоит заглаживать пока дышу. – Алекс на секунду умолк, давая мне время осознать сказанное. А потом тихо добавил: – Ань, я предлагаю тебе все: вечность, себя, свое сердце и тело в придачу. И не обязательно все вместе. Если не захочешь меня видеть, я пойму. И уйду сразу, как верну тебе здоровье. Важнее всего ты и твои желания.

Сердце пропустило удар. А потом и еще один. О чем это он? Я сплю? Или уже умерла? Неужели Алекс действительно только что признался мне в любви? Или это не любовь? А умеют ли вообще вампиры любить?

Столько вопросов и ни одного ответа! Я растерянно приоткрыла рот. И тут же его закрыла, не зная, что сказать. И чем дольше я молчала, тем больше хмурился Алекс. Торжественность уступала место неловкости и неуверенности.

– Ань, не молчи, пожалуйста! Если я опоздал, и в твоей жизни уже есть кто-то другой, так и скажи! Я тебе не лгал. Помогу вернуть здоровье, и уйду. Не буду мешать твоему счастью. – Голос Алекса охрип от переживаемых им чувств. – Если злишься на меня, то только скажи! Я все сделаю, чтобы загладить вину! Все, что есть в этом мире, будет у твоих ног! Аня, только не молчи!

Спазм перехватил мне горло, не давая дышать, говорить. И этот спазм не имел ничего общего с болезнью. Просто, впервые за все время с момента ухода Алекса, у меня пела душа. Эмоции душили. К глазам подступали слезы. Ко мне вернулось счастье. Не имея возможности выдать из себя хотя бы звук, я некрасиво шмыгнула носом и просто кивнула. Алекс, пристально за мною наблюдающий, вздрогнул. И робко потянулся ко мне:

– Аня, ты... ты простишь меня?

Я снова кивнула, уже куда увереннее. Наблюдая, как расцветает улыбка на любимых губах.

– И... и примешь меня?

Откуда у Алекса такая неуверенность? Я снова кивнула. И тут же вампир сгреб меня в охапку, стиснув так, что стало невозможно дышать. Вампир позабыл, что я человек? Но возмутиться не успела. Алекс отпустил меня и снова, в который раз за этот вечер, заглянул мне в глаза:

– Аня, я люблю тебя. И хочу быть рядом до конца. Все то время, которое мне отвела вселенная. Ты хочешь разделить со мною вечность?

Говорят, от счастья глупеют. В моем случае это на сто процентов верное утверждение. Прошло не меньше минуты, прежде чем я осознала смысл сказанного. Алекс уже опять успел занервничать. Я чуть не хихикнула вслух: мне можно гордиться, я успешно делаю из непробиваемо спокойного вампира неврастеника. Но в следующий миг меня накрыло осознанием. До мозга, давно и прочно пребывающего в эйфории, наконец дошло, что нам предложили. И я вытаращилась на вампира. Неужели это то, о чем я думаю?

Внутри меня словно сверхновая взорвалась, сметая все на своем пути ударной волной. Счастье пузырьками шампанского впрыснулось в кровь. Я хотела закричать на весь мир: «Да! Я согласна!» Но не успела.

Короткий предупредительный стук в двери. Всего лишь условность, предупреждающая о том, что кто-то сейчас войдет в комнату. И вот уже дверь очень медленно, словно в замедленной съемке, ползет в сторону, открывая проход. Сердце стиснул ледяной кулак ужаса.

Глава 11

– Алекс, уходи!

Я с отчаянием, умоляюще смотрела на вампира. Но мой горячечный шепот был проигнорирован. Алекс пристально смотрел на открывающуюся дверь. Словно заранее просчитывал ходы в шахматной партии. А у меня сердце кровью обливалось при мысли о том, что сейчас в комнату войдет шеф. Танечка и Миша относительно не опасны. А Ипатов... Думаю, он по своей воле теперь никогда ко мне не приблизится.

– Аня... – Тихий шепот сталью клинка полоснул по моим натянутым нервам. – Не спишь? А чего тогда в темноте сидишь?

Едва слышный щелчок выключателя прозвучал громом среди ясного неба в ночной тишине. Следом комнату залил неяркий свет нескольких настенных бра, заставив меня нелепо хлопать глазами, словно сова, внезапно оказавшаяся на солнечном свету.

– Как ты себя чувствуешь...

Фраза оборвалась на полуслове, а вошедший Ипатов наконец рассмотрел нашу скульптурную композицию.

Несколько долгих, жутких секунд Ипатов молча разглядывал встrepанную меня и коленипоклоненного Алекса, все больше мрачней с каждой секундой. А потом с угрюмой угрозой поинтересовался:

– А что тут происходит?

Если честно, то я растерялась. Вот что можно ответить на такой простой вопрос, если тебя застали в объятиях вампира, который стоит перед тобой на коленях? Где-то в глубине меня родился истерический смешок. Это только я могла так влипнуть!

Алекс текуче и плавно поднялся на ноги, пристально глядя в глаза Ипатову:

– Вы как раз вовремя. – Алекс говорил на чистейшем русском языке. – Я только что сделал Анне предложение. И она приняла его. Вам выпала честь первым об этом узнать и поздравить нас.

Одно короткое и в то же время бесконечно долгое мгновение ничего не происходило. А потом Ипатов небрежно поинтересовался:

– И с чем же я могу вас поздравить?

Я не отрывала испуганных глаз от Ипатова. И только поэтому заметила всю метаморфозу, случившуюся с его лицом, после того, как его наконец накрыло пониманием произошедшего. Сначала Коля едва заметно, почти неуловимо споткнулся на последнем слове. Замолчал, и даже задержал дыхание. Словно сомневался в собственной вменяемости. Потом недоверчиво покосился на Алекса и на меня. Я почти физически ощутила, как его взгляд безжалостно шарит по моему лицу, жестко задевая истерзанные неумеренными поцелуями губы. Очевидно, именно тогда пазл для Коли сложился. И он, сообразив наконец, что происходит, начал багроветь.

У меня от ужаса сердце провалилось куда-то в пятки. Но бояться еще было рано. Ипатов еще контролировал свои действия и всего лишь презрительно поинтересовался:

– А вы не слишком сильно торопитесь, господин француз?

Совершенно очевидно, что новости Колю ошеломили настолько, что он утратил свою обычную наблюдательность и все еще не сложил один и один. Но Алекс безжалостно его добил:

– Отнюдь. Мы с Анной знакомы почти год. Я считаю, это достаточный срок. Более, чем достаточный. Я даже успел наделать ошибок и жестоко обидеть Аню. Но это сейчас уже не важно. Я все отдам, чтобы загладить свою вину.

Коля недоуменно хлопнул глазами. Я практически видела, как в его голове идет сложный мыслительный процесс и вращаются шестеренки в попытке все свести воедино. В следующее мгновение до Ипатова наконец дошел смысл произошедшего, и он взревел, бросаясь на Алекса:

– Ах ты, скотина! Это же ты ее так эффектно бросил тогда под новый год!

Я еще успела различить, как кулак Ипатова со всего маха впечатывается в челюсть Алекса. Я заметила, как Алекс, потеряв равновесие, начал падать назад, головой прямо на прикроватную тумбочку. И как руки вампира протянулись вперед в явном намерении схватить зарвавшегося Ипатова. А дальше все смешалось.

Даже и не подозревала никогда, какой невыносимо громкий, противный, режущий уши визг я могу исторгнуть. Насколько мощные мои легкие. Но визжала я знатно. На одной ноте, не отрывая глаз от стремительно перемещающегося по номеру клубка тел.

Не до конца прикрытая входная дверь приоткрылась еще больше. Кто-то заглянул в номер. И тут же исчез. Я не успела заметить кто это был. Да и не важно это было. Меня больше волновало то, что происходило между Ипатовым и вампиром. А Алекс почему-то явно проигрывал в этой драке, позволяя чистильщику себя избивать.

Не знаю, сколько все это длилось. Мне показалось – целую вечность. Я уже даже хотела рискнуть, и соскочить с кровати, хотя бы попытаться помочь Алексу. И плевать на последствия. Он прав. Своя боль переносится намного легче, чем боль любимого человека. Я не могла смотреть, как Алекса избивают.

Все закончилось внезапно и в один момент: нас всех просто оглушило разбойничьим свистом. Я мгновенно заткнулась, икнув от неожиданности. Но едва не завизжала вновь. Потому что Ипатов, сидящий верхом на вампире, беспомощно прикрывающем голову руками, и не думал останавливать полет своего кулака. Мрачно зыркнув на вошедших, он замахнулся еще сильнее.

Вместо визга из моего сорванного горла вырвался придушенный хрип. Потому что Борисыч грозно рывкнул, сдергивая Николая с моего любимого за полуоторванный воротник рубашки:

– Ипатов!!! Ты рехнулся окончательно? Нам только скандала с потенциальным клиентом не хватает!

Коля безропотно позволил поставить его на ноги и ядовито возразил, некрасиво сплюнув на пол:

– Тогда Аньке нужно начистить одно место! Чем это таким у нее намазано, что все представители Диарелли поголовно теряют от нее голову?

Не высказанное оскорбительное замечание, где именно у меня намазано, повисло в воздухе, и Алекс зашипел, поднимаясь на ноги:

– Не смей оскорблять девушку, русское быдло!

У меня перед глазами все почернело и закачалось, когда я услышала, как вампир обозвал Ипатова. Тот немедленно вспыхнул и снова бросился в драку. К счастью, Борисыч успел вовремя его перехватить:

– А ну тихо! Остыли немедленно, петухи гамбургские!

Алекс, с окровавленным лицом, медленно скрестил руки на груди и переместился так, чтобы прикрыть меня собой. Маневр ни от кого не укрылся. И я увидела, как задумчиво посмотрел на меня шеф. Как еще больше побагровел и обозлился Ипатов. Как восторженно расширились глаза у беседующей с представительным мужчиной в костюме-тройке переводчицы.

Вообще, народу в номер набилось много. Здесь были все наши, включая флегматичного Мишу. Уже упомянутый мужчина, в котором я заподозрила управляющего отелем. У самых дверей стояла нервно комкающаяся подол униформы девушка-горничная. Из коридора заглядывали чьи-то любопытные глаза. А я по-прежнему сидела на разворошенной кровати. Растре-

панная, зареванная и перепуганная до потери пульса. Одно было хорошо: в поездку в Милан я не брала эротичного белья. И сейчас на мне красовалась вполне приличная закрытая трикотажная сорочка с мило улыбающейся Минни Маус на груди.

Через пять минут конфликт был исчерпан. Танечка о чем-то договорилась с управляющим. Тот кивком выпроводил горничную вон из номера и выжидательно посмотрел на Борисыча. Тот поморщился, словно уксуса хлебнул, но достал из кармана бумажник. Сколько он отдал управляющему, мне не было видно. Но Алекс сдержанно проинформировал:

– Я компенсирую. Разгром и скандал – моя вина. Мне и отвечать.

Шеф бросил нечитаемый взгляд в нашу сторону и сумрачно велел Мише:

– Забирай Татьяну, и идите отдыхать. Продолжения не будет.

Этих двоих долго уговаривать не пришлось. Лишь только за ними закрылась дверь, Борисыч повернулся к Ипатову:

– Марш в свой номер! Поговорим о твоём поведении утром!

Не смотря на холодный, пробирающий до костей, тон шефа, Ипатов упрямо вскинулся, вспыхнув мгновенно, как порох. Но Борисыч очень ласково его остановил:

– Коленька, не испытывай моего терпения. Конфликт буду разбирать сам. Мне надоело твое своеволие. – И уже жестким, ледяным тоном добавил: – Я сказал: марш в свой номер! Ты уже достаточно опозорил корпорацию!

После этой отповеди Коля сдался и вышел вон, напоследок наградив меня таким взглядом, что у меня от ужаса все тело стало ватным. Оглушающе громко хлопнула дверь, закрываясь после ухода Ипатова. Шеф повернулся к нам:

– Теперь вы. Поговорим?

Глава 12

Борисыч взял от стола стул, поставил его прямо напротив нас и тяжело опустился на мягкую поверхность. Я в ужасе молчала, не зная, что сказать, что предпринять. За несколько томительных минут моя жизнь перевернулась с ног на голову. И смысл жизни висел теперь на волоске. Не переживу, если с Алексом что-то случится из-за моей беспечности!

– Ну? Чего стоишь? Присядь. Не съем я Аньку. В отличие от Ипатова я прожил достаточно долгую жизнь, и давно понял, что жизнь – это не только черное и белое. В ней полно полу оттенков. Их гораздо больше, чем чистых цветов.

Борисыч говорил тяжело, медленно, устало. Словно наведение порядка в моем номере отняло у него все силы. Алекс выслушал, переступил с ноги на ногу, словно обдумывая слова шефа и неохотно отступил. Но тут же, словно опомнившись, подошел ко мне и сел рядом, завладев одной моей ладошкой. Родные глаза внимательно посмотрели мне в лицо:

– Ты как? Продержишься?

Сжавшееся от страха за вампира горло отказывалось выдавливать из себя звуки. Поэтому я просто кивнула.

– Хорошо. – Алекс с бесконечной нежностью погладил мою ладошку. – Еще немного. Если станет хуже – немедленно говори. Ладно?

Я опять кивнула. А Алекс повернулся к шефу:

– Я вас внимательно слушаю.

Борисыч поставил локти на колени и, чуть наклонившись вперед и сведя пальцы домиком, задумчиво пристроил на них подбородок. Его внимательный взгляд блуждал между мной и Алексом.

– Аня, как твое самочувствие? Может, позвать врача? А мы с господином французом пообщаемся в другом месте?

Я на секунду представила это «общение», и чем вообще общение чистильщика и иного может закончиться, и протестуя взметнулась:

– Я в порядке! И мне значительно лучше!

Борисыч усмехнулся и посмотрел на Алекса:

– Подлечил?

Что?!! Не знаю, как Алекса, а меня словно кирпичом между глаз приложили. Шеф в курсе того, что происходит? Я растерянно посмотрела на вампира. Алекс сидел спокойный, невозмутимый и почти равнодушно смотрел на шефа. И только едва заметно поджатые губы показывали насколько не нравится вампиру сложившаяся ситуация. Его пальцы замерли на моей ладони, перестав поглаживать. И у меня неожиданно возникло острое ощущение, что рядом со мной притаился хищник. Огромный, смертельно опасный, готовящийся напасть. Я изо всех сил вцепилась в ладонь Алекса.

Вампир словно очнулся. Оторвал взгляд от шефа и с бесконечной нежностью поцеловал мне руку, перевернув ее ладошкой вверх. Моя тревога под его ласковым взглядом слегка улеглась. Алекс словно говорил взглядом: «Не паникуй. Я все решу.»

Шеф, не дождавшись ответа, хмыкнул:

– Мда... Аня, ты мне как дочь. Практически заменила собой мою девочку, погибшую много лет назад. – Я напряглась до судорог. Начало речи мне категорически не понравилось. И Борисыч это заметил: – Не дрожи. Не трону я твоего любимого. Если он тебе действительно нужен.

Глаза шефа впились в Алекса. А я в ужасе безмолвно открывала и закрывала рот. Что происходит?!! Я сплю? Или уже умерла?

Первым отмер Алекс. И чуть прищурившись бархатным голосом поинтересовался:

– Почему я должен вам верить? Учтите, я, хоть и давно никого не убивал, ради Ани разорву в клочья любого.

– Я заметил, как ты рвал Ипатова. – Шеф насмешливо прищурился, словно провоцируя вампира на дальнейшие действия.

Зная, насколько Алекс вспыльчив и скор на расправу, я тревожно прижалась к боку вампира, отчаянно надеясь, что успею его удержать, что он не станет меня отшвыривать в сторону, как досадную помеху на пути к горлу главного чистильщика.

Алекс подарил мне еще один бесконечно нежный взгляд и едва слышно прошептал:

– Не бойся. Все обойдется. – А потом повернулся к шефу: – Мне не нужна его жалкая жизнь. И мне есть о ком беспокоится и заботиться. Я не могу и не хочу подвергать Аню опасности. Если ради ее спокойствия требуется позволить набить мне морду, я это сделаю. И не раз. Что касается состояния ее здоровья, то, если бы я успел до визита доктора, то все сделал бы сразу. Теперь же придется поддерживать ее пока не появится возможность исчезнуть. Я не буду подставлять Аню внезапным выздоровлением под ваших служащих. Ей и так досталось в этой жизни.

Борисыч снова хмыкнул. Но промолчал, устало опустив лицо вниз. На несколько томительных секунд в комнате повисла тишина. А потом Борисыч поднял голову и внимательно посмотрел на нас обоих:

– Ты пристроил Аню ко мне на работу?

Алекс чуть склонил голову набок:

– Я спланировал это. Но конечная цель была другая. Ради ее безопасности, я научил Аню всему, что должен знать хороший служащий. А потом предполагалось, что она устроится на работу к вашему заму. И с течением времени выйдет за него замуж. Для нее это было бы лучше всего и безопаснее всего. Но все с самого начала пошло наперекосяк. Ее встреча с вами. Собеседование. И, как итог, ее работа на вас. Но самой большой моей ошибкой оказалось то, что я не принял во внимание наши чувства. Отмахнулся от того, что чувствую сам и что переживает Аня. Из-за этого получилось то, что получилось. А мы сидим сейчас здесь. – Алекс сильнее прижал меня к себе, словно успокаивая, и продолжил: – Я не понимаю, какую игру вы сейчас ведете. Но имейте ввиду: ради счастья и здоровья любимой я пойду на все. И до конца. Лучше просто отпустите нас. Мы исчезнем. И вы больше никогда нас не увидите. И не услышите о нас.

Борисыч внимательно посмотрел на нас обоих. А потом:

– Кто ты? Я чувствую твою сущность иного. Но определить вид не могу. Я должен быть уверен, что ты pomoжешь моей дочке.

Гостиничный номер сделал стремительное сальто перед моими глазами. Во рту пересохло, а голова закружилась. Я не верила своим ушам. Судорожно вцепившись в вампира, я с отчаянием молила про себя: «Не говори! Не говори! Молчи!» Глядя во все глаза на шефа, я судорожно пыталась придумать выход из создавшейся ситуации. Нельзя Алексу признаваться перед чистильщиком. Это практически смертный приговор для вампира. Не переживу, если из-за меня с Алексом что-то случится!

Вампир пытливо смотрел на Борисыча, успокаивающе поглаживая меня по спине. И словно что-то просчитывал. Наконец, придя к какому-то решению, понятному только ему одному, Алекс осторожно отодвинул меня в сторону, словно освобождая себе место для маневра, и пристально посмотрел на главного чистильщика:

– Откровенность за откровенность. Считаю, что я тоже имею права получить ответ на свой вопрос.

Борисыч приподнял на мгновение бровь. Будто говоря: «А не обнаглел ли ты, мальчик?» Но совершенно неожиданно для меня кивнул, соглашаясь:

– Хорошо. Думаю, ты прав.

Алекс глубоко вздохнул, и словно в ледяную воду нырнул:
– Я вампир.

Глава 13

Я сдавленно пискнула, заметив, как расширяются от шока глаза шефа. Как перехватывает у него дыхание. Борисыч даже оторвал подбородок от рук и слегка выпрямился, услышав ответ Алекса. А потом... Шеф рассмеялся. Смехом горьким и острым, как битое стекло.

Алекс озадаченно оглянулся на меня, словно спрашивая: «Что это с ним?» Да разве ж я знала. Вампир знал столько же, сколько и я. А глава корпорации очень неплохо хранил свои тайны.

Наконец, Борисыч отсмеялся. И, перестав содрогаться от приступов жуткого смеха, успокоился, откинулся на спинку стула, пристально посмотрел на нас. Я всей кожей ощутила, как напрягся Алекс, готовый в любую секунду бросится на главного чистильщика. Я опять занервничала. Да, шеф безоружный. И всего лишь человек. И по идее, у него нет шансов против Алекса. Алекс – вампир. Но мне все равно было тревожно.

Борисыч горько усмехнулся:

– Да уж! Судьба – великая насмешница. Однажды все это в моей жизни уже было.

Я ощутила, как вытягивается от удивления мое лицо. И ошарашенно посмотрела на вампира. Может, он хоть что-то понимает? Но Алекс был в таком же неведении, как и я.

– Что, официальная легенда разнится от того, что я только что сказал? – Шеф в упор посмотрел на Алекса: – Ты хотел откровенности? Ну что ж, слушай. Когда-то давно, наверное, даже не в этой жизни, у меня была семья: жена и дочь. Больше детей бог нам не дал, поэтому баловал я своих девочек, как мог. Жена для меня была всем: моим сердцем, моим дыханьем, смыслом всей моей жизни. А дочка... – Хриплый голос Борисыча на секунду сорвался. Но в следующий миг он продолжил: – Дочь была моим солнечным лучиком, моей радостью и надеждой. Я жил только ради них. И вот однажды, когда моя дочь почти выросла, она тогда училась на предпоследнем курсе института, она пришла ко мне и сказала: «Папа, я влюбилась. И хочу быть со своим любимым всегда.» Не совсем такими словами. Но смысл тот же. – Новый судорожный вздох, и Борисыч устало прикрывает глаза. Но продолжает рассказ. – Мне бы тогда насторожиться, остановиться, подумать. Но я был слишком самоуверен. Дочь привела возлюбленного знакомиться. Это было летом. И пришли они поздним вечером. Когда уже стемнело. И я снова ничего не заметил, идиот. Оказалось, моя девочка встретила вампира. И захотела стать такой же. А тот... с барского плеча щедро предложил и нам с женой стать кровососами. – Шеф в упор пристально глянул на Алекса: – Я не понимаю, как ты можешь ходить днем, под солнцем, потом расскажешь. Но тот... потенциальный зять не мог находиться на улице не только под солнечными лучами, но даже и просто при дневном свете. Услыхав покровительственные нотки в его голосе, я потерял голову от ярости. И выгнал зятя из дому, запретив даже смотреть в сторону моей девочки.

У меня даже дыхание перехватило от услышанного. В висках гулко стучала кровь. Боже мой! Ну почему в моей жизни такое происходит? Что теперь делать? Шеф Алекса живым никогда не отпустит. Тем более, что один трагичный случай в его жизни уже был.

Борисыч шумно выдохнул и устало растер ладонями лицо:

– Я недооценил ситуацию. Не смог и не захотел понять дочь. И потерял ее. Спустя четыре дня после разговора дочь вышла как-то из дому. И больше не вернулась. Неделю я метался по всем ее знакомым и друзьям. Обращался в органы и просто к незнакомым людям в поисках моей девочки. Я все столбы и заборы в городе обклеил ее портретами. Но никто ничего не видел и не знал. Дар мой молчал. А внутри все слиплось в тошнотворный ледяной ком в предчувствии неминуемой беды. – Вот теперь шок накрыл и меня. Дар?! Я покосилась на Алекса. Но вампир не отрывал глаз от кающегося в прошлых грехах шефа. – На восьмой день утром, как обычно, жена отперла дверь, чтобы выпустить на улицу дочкину любимицу, кошку,

и страшно закричала. На тот момент я был в душе. Выскочил, как был, не вытираясь и оскальзываясь мокрыми ногами на кафеле. Кажется, даже падал. А жена все кричала и кричала. Но крик постепенно переходил в полужадушенный хрип. Когда я до нее добрался, – я вдруг с ужасом поняла, что мой стальной, негибачый шеф плачет, – она уже даже не хрипела. Просто сидела, привалившись к косяку двери, и схватившись за горло, смотрела на порог. А там... там... – Очередной вздох Борисыча больше был похож на всхлип. – На пороге сломанной куклой лежала моя дочь, с надеждой глядя мертвыми глазами в утреннее небо.

Борисыч снова умолк, слишком явно переживая прошлое. Алекс растерянно подвинулся поближе и снова меня обнял, прижимая к своему сильному телу. Мы оба не знали, что делать и что говорить. Слишком неординарной оказалась открывшаяся правда. А для меня еще и жуткой.

Наконец, шеф справился с собой и продолжил рассказ:

– С той минуты моя жизнь разделилась на до и после. У супруги на почве увиденного случился инсульт. Сколько врачи не бились, но спасти ее не смогли. Я тоже ничего не смог поделать. Жена словно утратила волю к жизни. Через пять дней она тихо угасла на моих руках. И я в одночасье лишился семьи. Остался совсем один. – Борисыч остро глянул на руку Алекса, обнимающую меня за талию и продолжил: – Люди по-разному переживают свое горе. Кто-то пьет спиртное лошадиными дозами. Кто-то рыдает день и ночь. Кто-то с головой уходит в работу. Я же поставил перед собою цель: отомстить за моих девочек. Уничтожить тех, кто сломал их жизни. Я поклялся положить на этот кровавый алтарь свою жизнь. И у меня получилось. Не буду вдаваться в подробности, но через полгода меня заметили. На меня вышли люди, сделавшие охоту за иными своей профессией. Так сильный ведьмак похоронил свой дар и стал профессиональным чистильщиком. – Шеф усмехнулся нашей с Алексом реакции на услышанное. И поинтересовался: – Вампир, ты удовлетворен моей откровенностью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.